
Переводные

учебники ВШЭ

Jane Ribbens McCarthy
Rosalind Edwards

Key Concepts in Family Studies

Джейн Риббенс Маккарти
Розалинд Эдвардс

Исследования

СЕМЬИ

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Перевод с английского
под научной редакцией
Е.Ю. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

Издательский дом Высшей школы экономики
МОСКВА, 2018

УДК 316.6:314.6
ББК 88.5
Р49

Подготовлено в рамках проекта ВШЭ
по изданию переводов учебной литературы

Переводчик:
старший научный сотрудник ФНИСЦ РАН
И. Н. Тартаковская

Научный редактор перевода:
доктор социологических наук,
профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ
Е. Ю. Рождественская

Перевод книги «Key Concepts of Family Studies»
опубликован Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

English language edition published by SAGE Publications of London, Thousand Oaks,
New Delhi and Singapore

В оформлении обложки использована гравюра
«Генеалогическое древо от Адама до Христа»
(Hendrik Leffert Meyling, Pieter van Loo, Noach van der Meer (II),
Abraham van Krevelt «Geslacht Boom van Adam tot Christus»), 1783
<<https://www.rijksmuseum.nl/nl/collectie/RP-P-2004-346>>

doi:10.17323/978-5-7598-1315-6

ISBN 978-5-7598-1315-6 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1827-4 (e-book)
ISBN 978-1-4129-2006-3 (англ.)

© Jane Ribbens McCarthy
and Rosalind Edwards 2011
© Перевод на русский язык.
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», 2018

Содержание

Благодарности	7
Предисловие к русскому изданию	8
Введение	15
Бабушки и дедушки.....	26
Биология.....	32
Близость (Intimacy)	39
Братья и сестры	44
Власть	49
Влияние семьи.....	55
Демография	61
Детское развитие	67
Детство / дети	74
Дом.....	79
Домашнее насилие и жестокость.....	84
Домохозяйство	91
Забота	96
Изменения и преемственность в семье.....	102
Индивидуализация	108
Личное	114
Матери / материнство / материнская забота	119
Новые правые.....	125
Отцы / отцовство / отцовская забота.....	129
Переговоры.....	134
Постсупружество: раздельное проживание / развод / вдовство	138
Привязанности и потери	145
Проблемные семьи	150
Публичное и приватное.....	155

Разделение труда.....	160
Рациональность.....	167
Родительство / родители / родительская забота	171
Родство	178
Семейная политика.....	184
Семейное законодательство	190
Семейные практики.....	196
Семейные системы.....	201
Семьи по выбору	205
Семья как дискурс.....	208
Социализация	213
Социальные различия.....	218
Сравнительные подходы	226
Супружество: брак / партнерство / сожительство.....	231
Теории конфликта	238
Теория ролей	243
Транснациональные семьи	249
Феминизм.....	254
Феноменологические подходы	260
Формы семьи.....	264
Функционализм	271
Циклы жизни и жизненный путь семьи.....	275
Указатель более частных понятий	282
Список литературы	316

Благодарности

Этот набор ключевых понятий оказался для нас важным начинанием, которому мы были очень привержены, и на всем этом пути мы получали значительную помощь. В частности, мы хотели бы поблагодарить Фиону Харрис, чьи прекрасные редакторские способности помогли нам справиться с тем, что было в начале лишь громоздкой массой заметок. Мы полагаем, что читатели разделят нашу признательность! Кэтрин Риббенс также взяла на себя часть административных задач, связанных с улучшением организации нашей работы с рукописью. Некоторые коллеги любезно согласились обсудить наши идеи и прочитать ряд словарных статей, щедро давая нам воспользоваться своими экспертными знаниями в этой области. Мы выражаем благодарность Энн Барлоу, Грэму Кроу, Меган Дулиттл, Саймону Дункану, Джанет Финк, Фрэнку Фюрстенбергу, Гарри Гульбурну, Хизер Монтгомери, Дэвиду Моргану, Джону Оутсу, Джорджии Филипп, Мэйбл Виктории, Джеффри Уиксу и Марджи Уэзерелл. Наконец, мы хотели бы поблагодарить Криса Рожека и Джая Симана из издательства Sage за терпение.

Предисловие

к русскому изданию

Предложенный русскоязычному читателю перевод книги «Исследования семьи: основные понятия» преследует несколько целей, ближних и дальних. Ближайшая прагматика этого увлекательного чтения заключается в том, что в отсутствие единой социологической моноконцепции относительно феномена современной семьи читатель может расширить свой горизонт понимания разнообразных аспектов теоретизирования по поводу семьи, родительства, партнерства, детства и т.д. Формат энциклопедии позволяет решить эту задачу, следуя логике собираемых пазлов. Но представляемое издание можно рассматривать и в более широком контексте современных западных фамилистских исследований. В этом смысле мы знакомимся с актуальными концептуальными идеями, питающими фамилистику сегодня, с их рецепцией и результатами эмпирического зондирования.

Предлагая эту книгу русскоязычному читателю, который интересуется социологией семьи, но не избалован обилием отечественных теоретических и обширных эмпирических исследований семьи и партнерства, мы бы хотели обрисовать этот международный и междисциплинарный контекст современной фамилистики как фактор восприятия этой книги. Если аттестовать актуальное состояние эмпирической социологии семьи, то прежде всего следует сказать о растущей междисциплинарности в последние годы. Смещение оптик социологии, психологии, экономики, социальной политики, педагогики, антропологии, этнографии, биологии открывает возможность исследования различных аспектов фамилистских проблем и валидации данных с разных точек зрения. Междисциплинарный перекресток, помимо явного методологического приращения, создает, однако, и проблемы. Одна из очевидных — разрыв между иллюзией феномена семьи как элементарной единицы порядка близости и солидарности, как ее понимают социологи

на теоретическом уровне еще со времен Э. Дюркгейма, и тем сложным синтетическим единством, которое объединяет ее гетерогенные эмпирически обнаруживаемые составляющие — брак/партнерство и родительство/усыновление/бездетность. Нестабильность браков и текучий характер партнерств ставят под угрозу не только отношения партнеров, но и отношения родителей и детей, возвращая императивом на теоретический уровень необходимость размышлять о растущем диссонансе между этими двумя структурами отношений.

Таким образом, наряду с успешным для развития дисциплины импульсом междисциплинарности, можно тем не менее наблюдать определенный застой во взаимодействии между теоретическими изысканиями в сфере фамилистики и эмпирическими исследованиями. Если исследование семьи понимать в широком смысле, включая теоретические и эмпирические исследования, можно увидеть, что явно преобладает доля последних. Чисто теоретические усилия стали редкими в семейной социологии, которая своими эмпирическими исследованиями обеспечивает существенные импульсы для практики, семейной политики, семейного консультирования и публичного дискурса. Теории меньше стало и на практике, и в политике. Более того, ввиду обширных эмпирических данных претензия на теорию все чаще воспринимается как сомнительная спекуляция. Парсоновские времена, когда «большие теории», нацеленные на объяснение воспроизводства социального порядка, были непосредственно связаны с социально-политическими интересами, безвозвратно прошли. После 80-х годов прошлого века, когда инновационные исследовательские программы, такие как экономика домашних хозяйств (Г. Беккер и др.) или конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана, значительно продвинули эмпирические исследовательские усилия, многие теоретические вопросы законсервировались, например, разделение домашнего труда по полу, женская трудовая занятость, мотивация рождаемости у образованных слоев и т.д. Слабый резонанс имеют фамилистские исследования и в политике, которая более склонна извлекать консервативные идеи из прошлого. Поэтому современные фамилистские дебаты формулируют запрос на более интенсивную теоретизацию и ее связь с

эмпирикой. В этом направлении развиваются дискуссии о том, как расширить, например, привлечение лонгитюдных данных в исследованиях семьи, поскольку признается, что феномен семьи глубоко связан с темпоральностью, изменчив в меняющемся социально-экономическом и социально-политическом контексте. И хотя в настоящее время в домохозяйствах регулярно проводится ряд панельных и ретроспективных исследований (российские примеры — волны РиДМиЖ, РЛМС), усилия здесь должны быть еще более интенсивными, чтобы способствовать развитию теории в контексте динамически выстроенных объяснений. Другой сюжет дискуссий о стимуляции связи теории и эмпирики привлекает внимание к малым семейным подгруппам. Так, исследователя часто интересуют явления, которые представлены редко, например, описание и объяснение развития новых семейных форм. Они стартуют с небольшого числа новых семейных типов в популяции. Простые случайные выборки не позволяют их идентифицировать вследствие слишком небольшого числа случаев в подгруппе. В свою очередь, теории могут предсказывать конкретные контексты происхождения таких типов, но они не могут быть протестированы, поскольку независимая переменная не имеет дисперсии. Эти соображения приводят к выводу о том, что исследования в области семьи могут иметь перспективу при более широком рассмотрении малых подгрупп. В дискуссии также заметна точка зрения о привлечении экспериментальных методов, поскольку многие явления, интересные для фамилистов, эмпирически мало доступны. Исследовательское взаимодействие иногда значительно затрудняет наблюдение. Например, исследователь может быть заинтересован в фактических переговорах партнеров в семейном контексте, а не в ретроспективном их обзоре в интервью постфактум. И хотя психология семьи традиционно использует экспериментальную базу в своей эмпирической программе, да и экономика развернулась лицом к эксперименту, использование экспериментальных методов по-прежнему является исключением в социологии вообще и в семейной социологии в частности. Возможно, одна из причин этого — масштаб обобщения на небольших экспериментальных выборках. Наконец, еще одна перспектива — привлечение имитацион-

ных исследований и моделирования как условие разработки и тестирования теорий. Однако для того чтобы иметь возможность прогнозировать долгосрочные процессы для сложных социальных систем, анализ должен быть более всеобъемлющим. Это дает возможность наблюдать за развитием абстрактных, но сложных социальных систем с одновременным изменением нескольких параметров.

Возможности, упомянутые выше, для связи эмпирических исследований с разработкой и проверкой теории не составляют исчерпывающего списка и, безусловно, могут быть дополнены дальнейшими инновационными предложениями. В любом случае, однако, их следует рассматривать как призыв к сближению эмпиризма и теории, к развитию теории семьи на эмпирической основе.

Если проинвентаризовать популярность тех или иных теоретических ресурсов фамилистики в Европе, пролистывая учебники и словари по социологии семьи, то мы обнаружим по сути три теоретических направления: теорию индивидуализации, теорию структурно-функциональной дифференциации и теорию рационального выбора. Фактически эти теории не были разработаны в формате теории семьи, но они затрагивают феномен семьи. Основная идея теории индивидуализации (Н. Элиас, У. Бек и Э. Бек-Герншейм, З. Бауман, Ч. Тэйлор и Э. Гидденс) — автономизация семьи, поскольку процесс индивидуализации оказывается тесно связан с рефлексивной модернизацией, глобализацией, детрадиционализацией в смысле отказа от доминанты патриархальных ценностей. Индивидуализация обычно понимается как проблема для семьи: растущий индивидуализм заставляет индивидов жить в одиночестве, больше не связывать себя, отделяться быстрее, больше концентрироваться на своей индивидуальной работе, чем на семье. Теория структурно-функциональной дифференциации после классиков, и особенно Т. Парсонса и Н. Лумана, также оказала сильное влияние на теорию в социологии семьи, хотя и менее впечатляюще по сравнению с исследованиями индивидуализации. Структурно-функциональная дифференциация призвана объяснить механизм перехода от традиционного общества к обществу модерна и описывает возрастающую потребность в ин-

дивидуализации и самореализации. Так, Н. Смелзер концептуализирует структурную дифференциацию семьи в процессе ее упрощения, когда происходит переход от расширенной семьи к нуклеарной с ослаблением влияния и контроля со стороны старших родственников. Встречные проблемы раскоординирования брака и родительства как эффекта структурно-функциональной дифференциации осложняют понимание отношений между различными аспектами семьи — семьей, отношениями партнеров и родителей с детьми, близостью, неприкосновенностью частной жизни. Теория рационального выбора (Г. Беккер, Х. Лейбенштейн и др.), которая была задумана как теория действий, открытая для рассмотрения структурных ограничений, задается вопросами: Каким образом определенные ограничения мешают людям действовать рационально? Каковы непреднамеренные последствия действий? Однако критика этого подхода, основанного на рациональном выборе в соответствии с калькуляцией затрат и выгод, ставит под сомнение социологическую ценность этой теории, излишне рационализируя контекст семьи.

Хотя структурный функционализм парсонсовского образца по-прежнему упоминается как один из пяти или шести наиболее важных подходов во многих словарях и учебниках, он не играл ведущей роли в течение длительного времени. Тем не менее тезисы о том, что «семья», или фиксированная структура семьи, больше не существует и что имеется плюрализм семейных форм, по-прежнему ссылаются на классическую модель нуклеарной семьи. Вопрос о преимуществах семейного образа жизни и ценностей не исчез из повестки, сюжет о функциях семьи не устарел, но показал в дискуссиях резко усеченный их объем. Но то, что было утрачено с концептуальным забвением подхода Т. Парсона, — это связь трех уровней: макроструктуры (культура, экономика, общество), семьи как системы взаимодействия и структуры личности. И в современных дискуссиях о роли теории в социологии семьи есть явная ностальгия по этому утраченному масштабу теоретизирования. Очевидно, что и другой теоретический ресурс — символический интеракционизм — также влиятелен сегодня, поскольку социологию интимности и теорию привязанности, социальную психологию брака, хотя

и критически, включают сегодня в социологию семьи. Но сокращение феномена семьи до формата личных отношений или форм взаимодействия было бы концептуально неадекватным для социологии.

Наконец, нет никаких сомнений в том, что феминизм и гендерные исследования послужили важными импульсами для теории семьи. Но их теоретический интерес большей частью не был направлен на семью, а иногда и радикально против нее, в целом феминистские исследования семьи относительно редки. Их главный фокус — критика патриархата и пересборка гендерных конструкций на иных эмансипаторных основаниях. Сюжет гендерного разделения труда теперь концептуально обсуждается не в рамках критики патриархата, а с помощью категорий равенства и партнерства, хотя это и не объясняет происхождение гендерной ассиметрии в деятельности домохозяйств.

В институциональном аспекте в семейной социологии идет процесс внутренней дисциплинарной дифференциации, который усилился с 1980-х годов прошлого века. Детство, ювенильный возраст, гендер, маскулинность, отцовство, социализация, биография — эти сферы анализа редко встречаются в семейной социологии, поскольку с начала 1990-х годов преобладал исследовательский фокус на проблемах семьи как социального феномена. Помимо этого, тезис о плюрализации форм семейной жизни и отходе от классической нуклеарной семьи привел к концентрации на демографически легко идентифицируемых явлениях: Сколько насчитывается «нормальных» семей, сколько одиночек, сколько однополых семей? Каковы соответствующие демографические переменные для объяснения изменений в росте разводимости? При такой демографизации семейной социологии определенные области систематически игнорировались как теоретически, так и эмпирически: сексуальность, любовь, эмоции, телесность, а также внутрисемейный дискурс и коммуникация.

Что же впереди, каково будущее дисциплины? Какие темы выходят на авансцену? Одна из широко обсуждаемых тенденций — дальнейшая фрагментация родительства, в частности, отцовства. Еще один новый аспект — это дигитализация семейного бюджета, социальные последствия которой пока неясны.

Исследователи старения обеспокоены будущим феномена заботы. Семья постмодерна остается смутной идеей, и дальнейшее развитие тренда на индивидуализацию также неоднозначно. Новые вызовы приходят в фамилистику и извне, со стороны других наук. Успехи в таких областях как исследования мозга, генетика, молекулярная биология и т.д., также влияют на тему семейных и частных форм жизни. Повторная натурализация частной жизни, возврат к природе и опрощение образа жизни, биологизация семейных и гендерных ролей могла бы определять дебаты следующих лет и десятилетий. В этом направлении теоретическим дискурсам, особенно социально-конструктивистским, построенным на критике эссенциализма, придется развернуть новую страницу в концептуальных построениях. Эти вызовы во многом спровоцированы публичными дискуссиями об очередных открытиях в социобиологии, генетике, нейропсихологии и т.д., которые разрушают прежнюю монополию психологии и социологии на понимание таких феноменов, как любовь, сексуальность и выбор партнеров, развитие ребенка, отношения матери и ребенка, гендерные различия, физико-эмоциональные характеристики человека, размер тела или продолжительность жизни.

Секс, тело, сексуальность, любовь, рождение, здоровье, старение и смерть — это центральные интерфейсы между природой и культурой, на которых сегодня происходит развертывание конфликта между социологией/культурологией и биологией/науками о жизни. Эти интерфейсы являются предметом исследований семьи самыми различными способами. Таким образом, семейная социология может играть центральную роль в будущем, если ей удастся объединить эти многочисленные специальные области исследований под знаком мультидисциплинарной семейной социологии и синхронизировать это объединение со своими теоретическими усилиями.

Елена Рождественская

Введение

Семейные исследования — обширная и увлекательная область научного интереса. Мы надеемся предложить в этой книге содержательный обзор ключевых понятий, благодаря которым можно исследовать жизнь семьи, а также обозначить четкие вехи основных дебатов, связанных с многими из этих понятий, и очертить круг научной литературы. Семейные исследования, однако, не так легко поддаются академическому определению, не в последнюю очередь потому, что сам центральный термин «семья» давно стал предметом серьезных споров и разногласий.

Хотя смысл самого слова по-прежнему широко очевиден и редко подвергается сомнению в повседневной жизни, а также в политических дебатах и профессиональных практиках, исследователи могут задуматься, как использовать его, или даже использовать ли его вообще. Многие ученые все с бóльшей осторожностью используют означающее «семья», поскольку оно связано со стереотипами, которые не учитывают и маргинализируют многообразие реалий различных форм семейной жизни, не вписывающихся в подразумеваемую модель гетеросексуальной нуклеарной семьи с двумя родителями — кормильцем мужем и отцом и занимающейся хозяйством женой и матерью. Семейные исследования предлагают множество ответов на эти сложные вопросы.

- Некоторые исследователи продолжают использовать термин «семья», никак его не проблематизируя, часто на практике подразумевая взаимосвязанные вопросы совместного проживания, тесных связей, основанных на кровных или брачных отношениях, и ухода за детьми. Разговор о «семье», таким образом, скорее всего, будет представлять собой обсуждение общих моделей и структур, может быть, сравнение их в разных обществах, или изучение того, как институт «семьи» соотносится с другими основными социальными институтами, такими как экономика, занятость или образовательные системы.

Есть много вопросов социальной жизни, для обсуждения которых, видимо, необходимо понятие «семья» как объект, который существует и может быть изучен. Точно так же политики, вероятно, ощущают потребность в четкой модели или критериях того, что такое «семья», в целях разработки законодательства и общих правил.

- Другое решение заключается в том, чтобы использовать этот термин во множественном числе — по отношению к «семьям». Это означает признание разнообразия жизни и отношений, которые могут быть отнесены к «семейным», и эта перспектива широко применяется в исследованиях семьи.
- Еще одно решение состоит в том, чтобы использовать слово «семья» как прилагательное, как в выражении «семейная жизнь», или даже в качестве глагола, в смысле «семейничать — делать семью» [Morgan, 2003]. Это уводит нас от мысли, что «семья» является существительным — объектом, который может быть поименован, и приводит к предположению, что это описательный термин, который применяется к широкому спектру опытов и взаимодействий и к различным аспектам жизни.
- Еще один подход состоит в том, чтобы превратить все эти трудности в источник новых вопросов, рассматривая это слово с точки зрения того, как используется термин «семья», в каких контекстах и с какими последствиями. Такую цель перед собой ставили различные эмпирические исследования (см. обзор в: [Ribbens McCarthy, 2008]). Это образ мышления также открывает возможность того, что «семья» может быть найдена во всех видах социальных сред, а не только в домашней сфере.
- Некоторые авторы находят понятие «семьи» настолько ограничительным и политически заряженным, что они предпочитают вообще использовать другие термины, такие как «интимность», или более общие понятия, в рамках которых «семья» рассматривается как одна из форм жизни наряду с другими отношениями и опытами, которые могут быть описаны с помощью такого выражения, как «личная жизнь» [Smart, 2007].

В качестве области науки семейные исследования наиболее признаны и лучше всего организованы с академической точки зрения в США, по сравнению со многими другими странами, и большинство учебников, которые мы рассматриваем, написаны американскими авторами (см., например: [Boss et al., 2009; Coleman, Ganong, 2004; Collins, Coltrane, 2001; Lloyd et al., 2009]). Это не означает, что поле семейных исследований не признается в качестве самостоятельной дисциплины в других странах. Независимо от степени признания, представители научных сообществ во всем мире осуществляют важную работу в этой области, хотя могут быть и некоторые культурно обусловленные различия в акцентах.

Кроме теоретизирования о смысле самого термина «семья» и о том, как он может быть использован, семейные исследования в целом охватывают взаимосвязанный набор тем, в том числе:

- партнерство и родительство;
- формы домохозяйств и демографические тенденции;
- организация повседневной жизни и принятие решений, в том числе по поводу обеспечения ресурсами;
- воспитание и другие формы заботы;
- близкие отношения и их динамика в контексте различных аспектов возраста, поколения, пола и сексуальности;
- родство и отношения внутри сообществ;
- частная жизнь и ее взаимосвязь с другими областями социальной жизни, такими как образование, здравоохранение и занятость;
- различные аспекты социальной политики, законодательства и профессиональных практик, связанных с этими темами;
- разнообразие, неравенство;
- кросс-культурные и глобальные проблемы.

Последняя тема поднимает еще один вопрос о том, насколько глубоко любую из этих тем можно изучать, применяя одни и те же понятия в разных глобальных, социальных и исторических контекстах. Это указывает на необходимость сравнительных, антропологических и исторических перспектив. Другие ключевые дисциплины, которые вносят вклад в семейные исследования, — это социология, психология, демография, со-

циальная география, юридические исследования и экономика, определенную заинтересованность проявляют также политические науки и религиоведение [Karraker, Grochowski, 2006]. Но в каждой дисциплине — свои собственные наборы понятий, и даже там, где используются одни и те же термины, они не всегда имеют одинаковые значения. Истинная междисциплинарность не всегда достигается просто и, говоря по правде, не всегда бывает желательна. Кроме того, различные дисциплины используют разные подходы к тому, что подразумевается под «семьей» и как она осмысливается. В психологии, например, в центре внимания обычно находятся отношения в диадах (например, матери и ребенка или братьев и сестер), а не более обширные сети отношений, которые могли бы быть рассмотрены в качестве «семьи».

В самом деле, нам, как авторам этой книги, важно объяснить, что наши собственные основные дисциплины — социология и социальная политика, и наша теоретическая и эмпирическая задачи заключаются в том, чтобы изучить, как «семья» понимается людьми в их повседневной жизни, например, как родители понимают свои повседневные жизненные практики и строят отношения вокруг ухода за детьми. Наша работа также на протяжении многих лет связана с феминистской перспективой. Мы рассматриваем связи между феминистскими подходами, с одной стороны, и семейными исследованиями как дисциплинарным полем, с другой стороны, как имеющие важнейшее значение для актуализации этой темы и ставящие новые вопросы, которые ранее рассматривались как лежащие вне сферы социальных наук. Действительно, феминистские ученые-фамилисты недавно приветствовали прогресс в «продолжающемся слиянии феминизма и семейных исследований в феминистские исследования семьи, в которых нельзя представить себе изучение семьи без учета феминистских подходов» [Allen, 2009, р. 3–4]. В то же время каждый из нас опирается в своей работе на данные большинства социальных наук, и мы также в этой книге опирались на них, привлекали их настолько широко, насколько это возможно. В этом и заключается наш проект по развитию более широкого диалога и более глубокого понимания семейной жизни.

Важнейшим аспектом семейных исследований является рассмотрение методов изучения, лежащих в основе нашей базы знаний. Мы напрямую не рассматриваем методы исследования в своих словарных статьях, но они в них постоянно присутствуют как специальная тема.

Те, кто более подробно интересуется методами исследования, могут дополнительно обратиться к работе «Основные понятия в социальных исследованиях» («Key Concepts in Social Research» [Payne, Payne, 2004]). Тексты, которые специально посвящены методам исследования в фамилистике, включают в себя работы [Mason, 2002; Ribbens, Edwards, 1998; Greenstein, 2006]. Читатели могут также обратиться к веб-сайту «Реальные жизни» («Real Lives» — <<http://www.reallifemethods.ac.uk>>), который является частью Национального центра по методам научных исследований в экономических и социальных науках при Британском Совете, а также к интернет-ресурсу для количественных методов в исследованиях семьи (<<http://blog.lib.umn.edu/vonko002/research>>), созданному на базе Университета Миннесоты в США. Опять же, могут быть различия в традициях использования различных методов исследования, а также в способах доказательных объяснений между разными дисциплинами — например, выборочные контролируемые тесты считаются особенно важными для доказательства причинно-следственной связи в некоторых отраслях психологии. Подходы к методам в семейных исследованиях также изменились с течением времени. Количественные методы — например, опросы, анкетирование, статистический анализ больших массивов данных — были особенно влиятельны в некоторых контекстах, но качественные методы — например, нарративные подходы, биографические интервью, этнография — также в настоящее время признаются полезными и надежными методами семейных исследований. Как качественные, так и количественные методы могут иметь лонгитюдный или ретроспективный дизайн, чтобы изучить, как меняется жизнь семьи с течением времени. И многие исследователи семьи также подчеркивают необходимость рефлексии по поводу своего понимания семейной жизни, чтобы отдавать себе отчет в том, как оно влияет на

избранный методологический подход и полученные выводы [Allen, 2000; Ribbens, Edwards, 1998].

Еще один аспект семейных исследований связан с тем, что «уровень» и контекст анализа, а также характер выводов и степень обобщения могут меняться в зависимости от дисциплины. Даже в рамках социологии некоторые ученые-фамилисты работают на уровне широких обобщений, например, изучая, как *институт* семьи организован в различных обществах, в то время как другие могут сосредоточиться на детальном исследовании повседневного жизненного *опыта* и на том, как он понимается участниками и, по-видимому, формируется под влиянием возможностей и ограничений в разных местах и обстоятельствах. Семейные исследования интересны еще и потому, что они могут использовать разные формы анализа, хотя в связи с этим часто возникает вопрос, связаны ли эти разные уровни анализа между собой, и если да, то как именно. Действительно, иногда семьи рассматриваются как основной способ включения отдельных людей и небольших групп в более широкие социальные модели. Семейные исследования, таким образом, охватывают широкий круг вопросов, например, тонкости личного опыта и близких отношений, вплоть до внутренней психической жизни; связи международных экономических систем с глобальными структурами миграции, занятости и заботы; отношения между конкретными родителями и детьми, проживающими в определенных населенных пунктах; и как национальные и международные правовые системы определяют права гражданства в зависимости от семейных связей. Всем этим определяются как сложные, так и увлекательные аспекты изучения семей.

ОЦЕНКИ, НЕЯСНОСТИ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Термин «семья» используется не только учеными, он также сильно окрашен человеческими эмоциями [Ribbens McCarthy, 2010], а также присутствует в политической риторике. С приверженностью этому понятию могут быть связаны глубоко

скрытые желания и стремления, из-за чего некоторые авторы, например, описывают «семью» как «фантазию» [Mackinnon, 2006] или «перегруженный объект желания» [Walkover, 1992]. Тем не менее ее можно считать «хорошо подкрепленной иллюзией», так как она сильно институционализована государством [Bourdieu, 1996] и является объектом идеологических манипуляций со стороны политиков [Bernardes, 1985], причем научные трактовки семейных исследований во многих обществах также подвержены этой идеологической ангажированности [Zvinkliene, 1996].

Ученым-фамилистам трудно адекватно взаимодействовать с эмоциональными особенностями семейной жизни и семейных отношений, охватывающими широкий спектр от любви до ненависти, от доброты и альтруизма до насилия и злоупотреблений. Часть этих трудностей связана с тем, что фактические семейные переживания могут быть двусмысленными и изменчивыми, включающими глубокие парадоксы, связанные с такими темами, как власть и любовь, или забота и угнетение, и сопутствующие им чувства могут быть очень амбивалентными. Одно и то же действие, скажем, приготовление еды, может в одном случае (или даже одновременно) восприниматься как практическое выражение заботы, в другом — как форма досуга и общения, и в третьем — как вид эксплуатируемого труда.

Эти вопросы также важны для специалистов, работающих с семьями, в том числе социальных работников, врачей, работников общественного здравоохранения, педагогов, а также иногда специалистов по управлению человеческими ресурсами. Важные вопросы поднимаются и в связи с тем, как семейные исследования в качестве академической области соотносятся с профессиональными вмешательствами и политическими решениями. Начиная с 1920 г. некоторые специалисты придерживались тех позиций, что социальные науки должны способствовать пониманию семейных отношений и, следовательно, влиять на качество семейной жизни и общества в целом [Karraker, Grochowski, 2006]. Но взгляды на то, насколько близкими должны быть эти отношения, могут существенно различаться: например, должны ли ученые-фамилисты и специалисты-практики в области семьи работать вместе, или

академическое исследование будет скомпрометировано столь близким сотрудничеством? Многое будет зависеть от цели конкретного исследовательского проекта. Этот вопрос перекликается с поднимавшимся выше вопросом о том, как специалисты в области семьи, а также исследователи, должны относиться к своему личному опыту и чувствам по поводу семейной жизни.

Некоторые исследователи-фамилисты стремятся описать семейную жизнь и отношения в недвусмысленных формулировках, как если бы для ученых было возможно находиться вне этих проблем. Это приводит к риску применения скрытых оценок и ценностных суждений к опыту других людей — как мы показываем в этой книге на примере целого ряда обсуждаемых вопросов. Семья является такой областью, в которой люди чувствуют (возможно, все больше и больше), что на кону находятся их моральные идентичности, и поэтому чувствуют необходимость защищаться от любой потенциальной угрозы своим моральным устоям. Даже там, где ученые-фамилисты стремятся не быть оценочными и понимать опыт членов семьи в их собственных терминах, понятия, которые они используют, могут невольно нести в себе все виды скрытых допущений и суждений. Такие термины, как «неблагополучные» или «здоровые» семьи, или «потребности развития детей», могут казаться объективными понятиями, но на самом деле они опираются на оценочные суждения, которые уходят корнями в конкретные культурные представления. В этой книге мы проливаем свет на подобные представления.

Это не означает, что ученые и специалисты в области семейных отношений должны принять релятивистскую позицию, в которой все семейные практики и образцы трактуются как равно обоснованные в своих культурных контекстах [Hollinger, 2007]. Но мы предлагаем, однако, чтобы исследователи и практики отдавали себе отчет в том, как и когда они могут заявлять свою ценностную позицию. Профессионалы, принимающие трудные решения о воздействии на членов семьи, могут найти эту позицию неудобной. Тем не менее это уважительный и реалистичный подход, возможный благодаря особому вниманию к использованию понятий и теорий, в рамках которых они сфор-

мулированы. Мы очень надеемся, что наша книга будет способствовать этому стремлению.

ПОДБОР И ОРГАНИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ

Эта книга рассказывает о том, как понимать ключевые понятия в исследованиях семьи и какие первичные дебаты имеют к ним отношение. Одна из трудностей в изучении семьи заключается в том, что связанные с ней темы кажутся такими знакомыми, что термины и стоящие за ними проблемы воспринимаются как тривиальные и не проблематизируются в общем социальном диалоге. На протяжении всей книги мы стремились «остранить» эти знакомые термины, вскрыть стоящие за ними допущения, чтобы было понятно, насколько их значения могут быть изменчивыми. Многие из этих нюансов бывает трудно заметить не только потому, что семейные отношения можно воспринимать как «естественные», но и потому, что они также могут рассматриваться как часть того, что «было испокон веков». На самом же деле, история семейных исследований формировалась под влиянием феминистских аргументов о том, что в семейной жизни нет ничего «естественного», и существующего, таким образом, вне пределов «общества», но вся она глубоко социальна и связана с политическими проблемами.

Решение о том, какие понятия будут отобраны в этой книге, было нелегким, особенно учитывая, что многие темы тесно связаны между собой. Мы решили эту проблему путем выделения кластеров связанных терминов и более частных понятий, помещая их в статью об одном из ключевых концептов. Такие термины в заголовках отдельных разделов дискуссий выделяются **жирным шрифтом**. Выделенные жирным шрифтом **более частные понятия** также можно найти в различных разделах с помощью индекса, помещенного в конце книги. В то же время есть много пересекающихся связей между самими основными понятиями, и самые значительные из них перечислены в виде перекрестных ссылок в конце каждой словарной статьи.

Помимо сложностей определения и отбора ключевых понятий для семейных исследований, еще одно затруднение состоя-

ло в том, что ряд важных идей или тем не вошли в число наших основных словарных статей. Тому есть несколько причин.

- Мы просто не можем включить все понятия, которые нам хотелось бы, в формат данной конкретной книги (но читатели могут обратиться к таким работам, как [Crompton et al., 2010; Kamerman, Moss, 2009; Lewis et al., 2009] по поводу семей и баланса жизни и работы; к [Crozier, Reay, 2005; Lareau, 2003] по поводу семей и образования; и [Bianchi et al., 2005; Broome et al., 1998] по поводу семей и вопросов здоровья).
- Некоторые термины не были включены в качестве ключевых понятий, потому что они представляют собой повторяющиеся темы, связанные со многими аспектами семейной жизни. **Время**, например, — фундаментальный параметр семейного опыта в самых разных формах и само по себе является объектом научного исследования, так же, как и **работа, потребление, еда и деньги** (см.: [Morgan, 1996]). Поэтому они включены в соответствующие словарные статьи, которые читатель может найти в индексе.
- Некоторые термины существуют на границе между семейными исследованиями и связанными с ними областями, например, понятия, которые занимают центральное место в изучении личного опыта в социальных контекстах, такие как **самость, субъективность, идентичность, эмоции** или **психосоциальное**. Читатель может найти ссылку на них в индексе как на понятия второго уровня.

Как мы отмечали ранее, различные национальные и культурные контексты важны в понимании значений и смыслов семьи и семейной жизни. Мы используем выражение «Европа и страны Нового Света» (опираясь на [Theborn, 2004]), для того чтобы обозначить страны континентальной Европы наряду с англоязычными развитыми обществами во всем мире, включая Великобританию, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Иногда мы также в качестве альтернативы привычно называем их «западными странами» или «Западом», чтобы избежать повторения.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭТОЙ КНИГОЙ

В качестве общего руководства к тому, как лучше всего использовать эту книгу, наиболее очевидным инструментом является содержание. В зависимости от ваших задач вы можете обнаружить, что конкретная словарная статья, посвященная какому-то из ключевых понятий, может обеспечить все, что вам нужно.

Если вы не можете найти того, что вы хотите в содержании, перейдите к индексу и проверьте, есть ли там термин, который вас интересует, и проследите упоминание о нем в основных словарных статьях.

Если вы хотите проследить связь между термином и другими основными понятиями, вы можете обратить внимание на перекрестные ссылки, приведенные в конце каждой статьи, и/или найти выделенные полужирным шрифтом понятия второго уровня в индексе, чтобы увидеть, где они появляются в других словарных статьях.

Более частные понятия не всегда имеют четкое определение и могут быть использованы в разных словарных статьях различными способами — но смысл должен быть понятен из контекста обсуждения, или вы можете воспользоваться списком литературы для дальнейшего чтения, который приводится в конце каждой словарной статьи.

В конце каждой из основных статей вы найдете некоторые рекомендации для дальнейшего чтения. Они предоставят вам материал для более глубокого изучения интересующей вас темы. Семейные исследования — очень динамичное поле, поэтому для того чтобы изучать конкретные темы и вопросы глубоко, полезно составить себе представление о последних книгах и журнальных статьях.

Мы надеемся, что вы получите удовольствие от погружения в семейные исследования.

Бабушки и дедушки

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Бабушки и дедушки, или прародители, — это термин, обозначающий родителей матери или отца конкретного человека. Он связан с отношениями в семьях, включающих в себя три поколения.

ДИСКУССИЯ

Увеличение продолжительности жизни в богатых странах Европы и Нового Света означает, что у детей теперь могут быть живые бабушки и дедушки и в их взрослой жизни, хотя уменьшение размеров семьи означает, что бабушки и дедушки, вероятно, будут иметь меньше внуков [Casper, Bianchi, 2002; Dench, Ogg, 2002]. Эта ситуация часто описывается с помощью термина «**вертикальная семья**» (**bean pole family**)¹, т.е. многопоколенная семья с небольшим числом членов в каждом из поколений. О прародителях редко говорится в книгах по семейным исследованиям, хотя эта тема имеет прямое отношение к вопросам семейной родословной и представлениям о природе семейных отношений и родства как в конкретных семьях, так и обществе в целом. Тем не менее форма и качество отношений между бабушками, дедушками и внуками привлекает внимание исследователей, особенно в США.

В современном контексте большая часть эмпирических исследований была связана с объемом ухода за детьми и **финансовой поддержки**, обеспечиваемых бабушками и дедушками,

---

¹ Буквально слово *beanpole* означает жердь — опору для фасоли, гороха или других вьющихся растений. — *Примеч. пер.*

либо, наоборот, с временными и финансовыми затратами на уход за ними самими. Главная особенность этой поддержки состоит в том, что, хотя некоторые бабушки и дедушки неохотно берут на себя эти заботы, или же не в состоянии связывать себя ими из-за своих обязанностей на работе, большинство прародителей рассматривают материальную и физическую помощь в уходе за внуками как часть своих отношений и эмоциональной связи со своими детьми (родителями своих внуков) и собственно с внуками, а не как одолжение, которое впоследствии должно быть возмещено [Ferguson et al., 2004]. Это говорит о наличии скорее альтруистических **обязательств**, которые передаются в семьях между поколениями по нисходящей линии, нежели делового взаимодействия. Действительно, миссия бабушек и дедушек подпадает под описание Финчем [Finch, 1989] родственных отношений как **асимметричных**, в которых чувство любви и привязанности распространяется между поколениями сильнее по нисходящей линии, нежели восходящей.

Исследования в разных культурных контекстах последовательно показывают, что отношения внуков с бабушками и дедушками с возрастом меняются [Van Der Geest, 2004]. В обществах Европы и Нового Света уменьшение контактов с течением времени объясняется растущей независимостью детей от родительской семьи и ее влияния. В других культурных контекстах, таких как Африка, где детство понимается по-другому, изменение этих отношений можно рассматривать в рамках системы, которая поддерживает разное прошлое и будущее при наличии общего настоящего. Процесс старения самих бабушек и дедушек и социальный статус пожилых людей в обществе в целом также, вероятно, имеет значение. В контексте обществ Европы и Нового Света некоторые полагают, что старение и взросление с обеих сторон не обязательно означает, что прародители и внуки будут чувствовать меньшую эмоциональную близость [Ross et al., 2006], в то время как в Гане, например, наоборот, утверждается, что публичная демонстрация уважения к бабушке и дедушке остается обязательной, даже когда эмоциональное содержание отношений, судя по всему, обедняется [Van Der Geest, 2004].

Плотность связей между бабушками и дедушками и их взрослыми детьми часто считают главным фактором, определяющим качество отношений между прародителями и внуками, подчеркивая, что отношения между тремя поколениями опосредованы или вытекают из детско-родительских отношений. Действительно, исследование молодых белых матерей рабочего класса указывает на то, что отношения с их собственными матерями тесно связаны с тем, насколько они считают сами себя заботливыми и умелыми [Duncan et al., 2010]. Изучение практик прародителей после развода их детей, ориентированное на определение количества и качества контактов между бабушками, дедушками и внуками, как правило, показывает, что они во многом продолжают или даже усиливают те отношения с внуками, которые имели место до распада семьи.

Другие важные направления исследований прародительства связаны с полом и **родословной** (линией родства). Иерархия прародительства была изучена исследователями в контекстах Европы и Нового Света, в результате чего бабушки и дедушки были «ранжированы» по полу и статусу в зависимости от количества и степени близости контактов со своими внуками (пол внуков, однако, при этом не учитывался). В этой иерархии бабушки ранжируются более высоко, чем дедушки, поскольку имеют большую связь со своими внуками, наряду с отмеченной **матрифокальной** тенденцией, поскольку бабушки по материнской линии принимают более активное участие в уходе за внуками. Таким образом, во главе рейтинга оказываются именно бабушки по материнской, а не по отцовской линии. Родословная и гендерная иерархии объясняются по-разному — либо как вытекающие из отношений бабушек как мам со своими дочерьми [Aldous, 1995], либо как связанные с инвестициями в тех потомков, в происхождении которых они генетически более уверены [Laham et al., 2005]. Однако приоритет дедов по отцовской линии, отмечаемый в некоторых культурных контекстах, ставит под сомнение такие грандиозные обобщения [Szinovacz, 1998].

Матрилинейная иерархия также применима и к **приемным дедушкам и бабушкам**, при этом приемные дедушки оказыва-

ются более вовлеченными в отношения с внуками, чем приемные бабушки, поскольку сохраняют связь с родной бабушкой своих приемных внуков [Dench, Ogg, 2002]. Помимо того что прародители в целом могут стать мостом к прошлому в качестве источников семейной истории и наследия [Ross et al., 2006], бабушки также участвуют в домашней жизни своих внуков, а дедушки больше занимаются их физической активностью и появляются с ними в публичной сфере. Эти выводы в основном содержатся в исследованиях прародителей Европы и Нового Света. В отличие от них, в **патрифокальных** семьях и обществах существуют определенные ограничения в доступе к внукам бабушек и дедушек по материнской линии, хотя иерархии прародительства в этих контекстах специально не исследовались [Szinovacz, 1998].

Другие исследования посвящены составлению типологий и классификаций стилей воспитания внуков — часто они проводятся в рамках психологии детского развития [Ferguson et al., 2004]. В них обычно выясняется степень близости или дистантности отношений, их активная или пассивная природа, а также кто находится в центре внимания. Термины, используемые в этих типологиях и классификациях, могут нести в себе неявные оценки («удаленные» и «пассивные» в сравнении с «сопереживающими» и «поддерживающими») и включают оценочные суждения со стороны предлагающих их исследователей. Они могут также быть в значительной степени основаны на понимании того, кто играет доминирующую и властную роль в обществе, и тем самым маргинализируют или проблематизируют практики прародительства этнических меньшинств и/или рабочего класса, игнорируя стили прародительства, принятые в других культурах [Szinovacz, 1998].

Некоторые исследователи также определили общие нормы или руководящие принципы практик прародительства. К ним относятся обязательства «присутствия» в своей семье, а также требования справедливо обходиться с внуками и стараться никого из них не выделять [Ferguson et al., 2004]. Применительно к нуклеарной семье выделяется также норма **автономии** и **приватности**, что означает для дедушек и бабушек необходимость придерживаться тонкого баланса между обеспечением поддержки

и помощи, с одной стороны, и соблюдением неявных правил невмешательства, с другой [Ross et al., 2006].

Важно отметить, однако, что такие нормы культурно специфичны и, таким образом, варьируются в обществе во времени, а также в зависимости от принадлежности к социальному классу, определенному этносу и т.д. [Casper, Bianchi, 2002], а также в зависимости от принятых в разных обществах моделей родственных отношений. Исследование практик прародительства в рабочем классе (Великобритания) или у «синих воротничков» (США) после Второй мировой войны показывает, что общепринятой практикой было интенсивное участие, а не соблюдение дистанции, несмотря на мнение некоторых исследователей о том, что здесь играет роль синдром старшего поколения, благодаря которому участие бабушек и дедушек в жизни семьи инфантилизирует уже взрослых родителей [Szinovacz, 1998]. Небольшое количество американских исследований афрокарибских бабушек и дедушек, например, также свидетельствуют о том, что они часто практикуют более авторитарные, подобные детско-родительским, отношения со своими внуками, чем доминирующее белое большинство. Бабушки и дедушки, принадлежащие к этническим меньшинствам, могут также считать себя ответственными за передачу религиозных и культурных традиций и **ритуалов**, в то время как их внуки, как отмечалось ранее, проявляют к ним демонстративное уважение [Ross et al., 2006].

Помимо фокуса на исследовании собственно бабушек и дедушек, некоторое внимание также было уделено отношениям внуков с прародителями, с акцентом именно на **внуках**. Большая часть этих работ выдержана в той же логике, что и исследования прародителей, в частности, изучалось влияние статуса родства и гендерной принадлежности на количество контактов с бабушками и дедушками в обществах Европы и Нового Света. Тем не менее наряду с интересом к детям в качестве социальных агентов в обществе в целом и в семьях в частности начинает уделяться внимание тому, как сами дети и молодые люди понимают важность и качество своих отношений с бабушками и дедушками и взаимно обязывающую природу их ухода и поддержки [Ibid.].

Правовой статус бабушек и дедушек также привлекает внимание. Существует некоторое разнообразие в том, какие именно установленные законом права и обязанности имеют бабушки и дедушки по отношению к своим внукам в разных системах семейного права [Ferguson et al., 2004]. Согласно судебной практике европейских и американских институтов, даже если бабушки и дедушки имеют право на доступ к внукам, оно всегда будет оцениваться с точки зрения преобладающих интересов благополучия ребенка, которое рассматривается строго в рамках модели нуклеарной семьи, под родительским контролем. В отличие от потенциально более широкого понимания семьи в юрисдикции, скажем, Южной Африки и Македонии, бабушки и дедушки Европы и Нового Света мыслятся в рамках модели расширенной семьи, которая рассматривает их, в первую очередь, с точки зрения практического ресурса и вклада в социализацию детей; при этом только детско-родительские отношения, составляющие ядро семьи, специально поддерживаются и привилегируются. Доминирующая социальная норма невмешательства со стороны бабушек и дедушек в этих национальных государствах означает, что им вряд ли будут предоставлены возможности общения с внуками, если родители сочтут, что это не в интересах ребенка.

РЕЗЮМЕ

Исследования прародительства зависят как от обществ, в которых они проводятся, так и от форм самого прародительства. В контексте Европы и Нового Света исследования прародительства делают акцент на обязательствах между поколениями, центральной роли детско-родительских отношений и влиянии линий родства и пола. Ученые выделяют различные стили осуществления прародительских практик, и неявные нормы формируют не только восприятие ролей бабушек и дедушек в самих семьях, но и их правовой статус в социальных институтах Европы и Нового Света. Родственные структуры, стили и нормы прародительства различаются между культурами, а также в разные времена.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Каспер и Бьянки [Casper, Bianchi, 2002] предлагают обсуждение феномена прародительства в США; Фергюсон и его соавторы [Ferguson et al., 2004] — обзор прародительства в Европе и Новом Свете в целом. Жиновач [Szinovacz, 1998] рассказывает о конкретном исследовании прародительства. Специальный выпуск журнала «Africa» (Africa. 2004. Vol. 74. No. 1) посвящен отношениям дедушек, бабушек и внуков в разных африканских странах.

Связанные понятия: *Забота; Родство; Социальные различия; Социализация.*

Биология

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Биологические подходы к семейной жизни и использование терминологии кровного родства делают акцент на роли генетической наследственности и мотиваций в том, как люди ведут себя и что они чувствуют по отношению друг к другу.

ДИСКУССИЯ

Термин «биология», как правило, относится к структуре, функции, эволюции и другим аспектам живых организмов. Теории, которые основаны на биологических подходах, различаются в зависимости от того, насколько сильно они подчеркивают определяющую роль биологии и в какой мере они включают в себя или допускают социальные аспекты жизни человека, в том числе касающиеся семьи. Такие теории, как евгеника, социобиология и неodarвинистская эволюционная психология,

отличаются друг от друга, но разделяют общее понимание биологии как судьбы, выдвигая, таким образом, на первый план значимость человеческих тел.

Евгеника, выдвинувшаяся на первый план в Западной Европе и США в конце XIX — начале XX в., увидела в **генетической наследственности** причину укрепления или подрыва потенциала наций. Эта точка зрения была связана с политической стратегией селективной репродукции с целью создания высшей расы и была практически дискредитирована в связи с Холокостом в Европе. В течение XX в. привлекли к себе внимание сначала **социобиология**, а затем и **неодарвинистская эволюционная психология**. Эти подходы рассматривают социальное поведение и чувства людей как имеющие биологическое происхождение и связанные с процессами естественного отбора, которые предположительно восходят к временам **обществ охотников-собирателей**; считается, что именно те гены, которые обеспечили выживание в эту эпоху, стали впоследствии передаваться и создали основу человеческого генофонда. Эволюционно заданное поведение понимается как универсальное во времени и пространстве, потому что естественный отбор работает слишком медленно, чтобы успел обновиться генофонд, унаследованный от охотников-собирателей.

Эти теории, таким образом, пытаются объяснить нынешнюю социальную жизнь, в том числе и семейную, делая акцент на гендерном разделении наемного и **домашнего труда**; на сексуальном поведении, которое формируется разными биологическими стратегиями мужчин и женщин, направленными на обеспечение выживания максимально многочисленного потомства; на эмоциональной приверженности родителей к своим генетическим детям [Wilson, 1978]. Идея **материнского инстинкта**, например, выдвигается в качестве объяснения того, что матери ухаживают за своими детьми, защищают их и воспитывают. Соответственно, приемные родители в этой логике подозреваются в том, что с большей степенью вероятности могут плохо обращаться со своими пасынками и падчерицами или даже нанести им смертельный ущерб [Daly, Wilson, 1998].

Опасения по поводу связей между биологическим родительством, соответствующим ему социальным статусом и практика-

ми заботы и эмоциональной близости с детьми с очевидностью проявляются в исследованиях, посвященных биологическому и приемному отцовству. **Аскриптивное/приписываемое** (или биологическое) отцовство рассматривается как коренящееся в биологических узах, в отличие от **достигаемого** (социального) отцовства, которое проявляется в близких и заботливых отношениях с детьми, что порождает дискуссию о том, насколько отчимы могут или должны чувствовать своих приемных детей «своими» [Edwards et al., 2002; Marsiglio, 1995]. В отличие от связи с **биологическими отцами, не проживающими** со своими детьми, биологическая связь между матерями и детьми рассматривается в обществах Европы и Нового Света как настолько «естественная», что матери, которые бросают или отказываются от своих детей, рассматриваются как *неестественные* [Gustafson, 2005]. Тем не менее матери могут отказываться и на самом деле отказываются от своих детей по разным причинам. Такие ситуации свидетельствуют в пользу аргументов о том, что никакой ген не может предопределить сложное и социально обусловленное поведение.

Биологические подходы связаны с имеющими давнюю историю дебатами на тему «**природа против воспитания**», в которых сторонники «природы» считают, что именно биология, а не окружающая среда, является ключевым механизмом, определяющим причины человеческого поведения. Одним из способов разрешить эту проблему стали исследования близнецов (однойцевых и разнояцевых), воспитывающихся в различных обстоятельствах. Последние работы указывают на сложность взаимодействия между биологией и окружающей средой, а не на определяющую первичность того или другого [Moffitt et al., 2006], и именно это взаимодействие теперь, как правило, находится в центре внимания исследователей, которые подходят к нему, в частности, путем изучения нейронной деятельности головного мозга и других физиологических измерений. Некоторые исследования указывают на генетически обоснованные различия в том, как люди реагируют на впечатления, обусловленные воспитанием [Belsky, Pluess, 2010]. Последние направления развития неврологии, нередко использующие опыты на животных, связаны с вопросом о том, насколько

функционирование мозговых нейронных сетей может объяснять поведение и личные качества. Авторы популярных книг пытаются применять некоторые исследовательские подходы путем экстраполяции их в качестве потенциальной основы для понимания и коррекции **воспитания детей**, утверждая на этом основании, что плохое воспитание способствует возникновению и развитию у детей антисоциальных структур мозга [Wilson, 2002].

Подходы, отдающие приоритет биологии и делающие акцент на теории естественного отбора в отношении людей, а также считающие генетическую наследственность ключевым фактором, определяющим жизнь общества в целом и семьи в частности, подвергаются критике. Один из аргументов этой критики основан на том, что социобиология и эволюционная психология искажают правила научного метода. Сторонники биологии как судьбы, как утверждается их оппонентами, выбирают конкретные проявления и функции поведения животных, а не человека, которые подтверждают их аргументы, а затем экстраполируют их на людей. Еще одно направление критики методов, используемых социобиологами и эволюционными психологами, говорит о том, что они строят свои гипотезы лишь на основании предполагаемых «фактов» из жизни обществ охотников-собираателей, а также полагаются на данные неконтролируемых экспериментов, проведенных на малых выборках, а также на вторичной интерпретации разнородных данных. Критики утверждают, что, хотя врожденные биологические тенденции могут быть важными, картина мира, в которой естественный отбор — универсальная причина, а социальная жизнь — лишь ее следствие, является искаженной и упрощенной. В этом детерминистском «мире зазеркальной логики» [Rose, 1980, p. 165] игнорируются сложность и разнообразие семейной жизни и человеческих отношений.

Эти дебаты являются спорными хотя бы потому, что имеют политические последствия и могут применяться в отношении конкретных политических проектов. Например, биологические подходы могут быть использованы, чтобы оправдать консервативный статус кво неравных властных отношений между мужчинами и женщинами, национальностями и классовыми

группами. Принципы наследственности и **генеалогии** исторически также сыграли роль в установлении законных наследников, продвигая политические и экономические привилегии средних классов [Davidoff et al., 1999]. Представления о биологическом родительстве как имеющем первостепенное значение для близких отношений с детьми привело к мнению о том, что ответственность за воспитание и обеспечение детей лежит на **биологических родителях**, даже если они не живут со своими детьми, и оно институционализировано в семейном законодательстве многих стран.

С точки зрения повседневных представлений в западных обществах биология может играть важную роль в конструкции и понимании смысла семьи. Семейным чертам и **сходству**, физическим и личностным подобиям и различиям придается значение с самого рождения ребенка и в течение всей жизни: «у нее глаза отца», «у него бабушкин характер». Популярные сейчас исследования истории семьи и родства также мотивируют людей к тому, чтобы понимать свою собственную идентичность через генеалогию. Некоторые считают, что такой поиск связан с потребностью обнаружить хоть какую-то фиксированную связь в неопределенном и индивидуалистическом мире.

Это показывает, каким образом генетическое понимание происхождения может использоваться для того, чтобы обеспечить прочную основу для социальных конструкций отношений, а также их связи с расовыми и национальными формациями (как в идее **корней** и **фиктивного родства** [Chamberlain, 1999; Hackstaff, 2009]). Точно так же язык биологических семейных отношений может применяться более широко, чтобы символизировать тесную эмоциональную связь (например, «она мне как мать»). Более формализованные примеры терминологии биологического родства, обозначающие политическую солидарность, включают в себя использование терминов **«братья»** и **«сестры»** и «отцы-основатели» — например, термин «сестры» в феминистском движении.

Эти проблемы указывают, насколько биология социально конструируется через культурное понимание и может быть использована для обеспечения иллюзии незыблемости социальных отношений. Антропологи полагают, что в культуре Европы

и Нового Света биология воспринимается как «природа», важный феномен, стоящий вне общественной жизни [Strathern, 1992a]. Следовательно, когда разрабатываются новые «факты» в рамках научной парадигмы, такие как возможности тестирования ДНК, чтобы идентифицировать происхождение ребенка, то это считается подтверждением «истины», которая всегда существовала, даже если заинтересованные люди о ней раньше и не догадывались [Carsten, 2004].

В то время как большинство обществ признает различие между связями, которые «даны», или имеют аскриптивный характер, и теми, которые «возникли искусственно», или были достигнуты, в западных странах это различие приравнивается к различию между связями, которые основаны на кровном родстве, и теми, которые были выбраны сознательно [Ibid.]. Антропологические исследования семьи и родства по всему миру раскрывают многообразие культурного понимания человеческой телесности, в том числе биологической репродукции и родительства, а также представлений о том, как связаны биология и родительство (см., например: [Riviere, 1985; Shore, 1992]). Представления об устройстве, актуальности и значимости биологического родительства и генетических связей не являются универсально значимыми.

В современных развитых обществах достижения **репродуктивных технологий** еще больше осложнили связь между биологией и родительством, вмешиваясь в процессы воспроизводства с целью предотвратить его или, наоборот, облегчить. Методы репродукции включают искусственное оплодотворение (ЭКО), донорство половых клеток и суррогатное материнство. В некоторой степени достижения в репродуктивной технологии позволили создавать семьи без биологической обусловленности, в том числе для однополых пар, хотя гендерные разделения труда и власти, видимо, по-прежнему сохраняются. Это порождает фундаментальные правовые и политические вопросы, касающиеся опеки, заботы и поддержки детей, а также юридических определений материнства и отцовства [Shore, 1992; Strathern, 1992b]. Тем не менее, как было отмечено выше, в то время как технологические знания могут привести к вмешательству в процессы репродуктивного воспроизводства,

в западных обществах биологические связи тем не менее сохраняют свое исключительное значение.

РЕЗЮМЕ

Евгеника, социобиология и эволюционные подходы в психологии рассматривают социальное поведение и чувства как имеющие биологическую природу и восходящие в своем происхождении к реакциям и эмоциям, которые складывались в обществах охотников-собирателей и были приспособлены для выживания людей и их потомства. Критика подходов, отдающих биологии приоритет в происхождении социального, сосредоточена на ненаучных методах и упрощенных выводах, лежащих в основе таких работ. Биология может быть востребована для понимания людьми происхождения семьи и семейных отношений и в этом качестве встроена в семейное право и политику в странах Европы и Нового Света, но культурное понимание природы генетических связей и биологического родительства в других странах отличается культурным разнообразием. Наука может усложнить связь между биологией и семьей через развитие репродуктивных технологий, но может и усилить важность генетических связей (например, с помощью проверки ДНК). Последние биосоциальные исследования были направлены на изучение взаимодействия между физиологическими феноменами и социально обусловленным поведением и чувствами.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Пинкер [Pinker, 1998] и Уилсон [Wilson, 1975] считают естественный отбор на основе врожденных генетических импульсов основой человеческой природы и поведения, в то время как Роуз [Rose et al., 1984] и Салинс [Sahlins, 1977] предлагают альтернативное понимание этих процессов, причем Роуз [Rose, 2006] по большей части опирается на данные научных исследований мозга. Труст и Филсингер [Troost, Filsinger, 2004] предлагают обзор биосоциальных взглядов на семейную жизнь. Карстен [Carsten, 2004] приглашает к антропологическому

обсуждению репродуктивных технологий, гендера и социального конструирования науки в Европе и Новом Свете.

Связанные понятия: Семейное законодательство; Родство; Родительство; После супружества.

.....

Близость (Intimacy)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Понятие «близость» относится к смыслу и выражению тесных семейных и личных отношений, в том виде, в каком они понимаются в современных обществах Европы и Нового Света, а также к тем качествам, которые эти отношения, как предполагается, обеспечивают.

ДИСКУССИЯ

В широком смысле, всю семейную и домашнюю жизнь можно отнести к сфере близости, поскольку она основана на тесном знакомстве и очень плотных связях. Но само понятие близости стало играть важную роль в дискурсе западных социальных наук лишь в конце XX в., под влиянием представлений о **разнообразии** и изменениях в семейной жизни. Интерес к внутреннему **эмоциональному** качеству отношений был охарактеризован как «интимный переворот» в семейных исследованиях. Считается, что он пришел на смену увлечению более функциональным и структурным анализом родственных отношений, который уделял главное внимание семейным формам, ролям

и результатам их существования в том или ином виде, а также социальным различиям и власти [Gillies, 2003]. Поскольку экономическая роль семьи ослабла, близость и любовь стали рассматриваться в качестве нового связующего звена. Взаимное **самораскрытие** стало считаться ключевым моментом для понимания близости и смысла личных и семейных отношений, в частности, Гидденсом [Giddens, 1991; 1992] в рамках серии его работ об индивидуализации был предложен тезис о «трансформациях близости».

Гидденс утверждает, что во всех современных западных обществах произошло фундаментальное изменение в понимании и самой природы близости. Легкость доступа к надежным средствам контроля за рождаемостью означает, что секс стал свободен от **репродукции**. Принято считать, что это привело к своего рода революции, позволившей женщинам установить с мужчинами равные партнерские отношения. Освобожденная от репродукции **сексуальность** получила название «**пластичной сексуальности**» [Ibid., 1992] и «**текучей любви**» [Bauman, 2003], потому что отношения, согласно этому пониманию, должны быть предметом переговоров внутри пары, а не определяться заданными представлениями о соответствующей гендерной и сексуальной **идентичности** и **роли**. Утверждается также, что **гетеросексуальные** и **гомосексуальные** отношения становятся все более похожими друг на друга в своем стремлении к определенному типу близости, причем гетеросексуальные отношения все более следуют пионерным моделям свободы выбора, **равенства** и **взаимности (reciprocity)**, которые были впервые апробированы в гомосексуальных отношениях [Roseneil, Budgeon, 2004]. Близость считается отныне строящейся вокруг стремления и переговоров по поводу **чистых отношений**, свободных от уз **традиции**, необходимости и **обязанностей**, и основанных на удовлетворении личностных потребностей.

С этой точки зрения чистые отношения, основанные на самореализации, взаимном **доверии** и переговорах, рассматриваются как существующие ради самих себя и практикующиеся с позиции самосознания — близости к своей внутренней **самости**. Качество близости здесь должно быть достигнуто с помощью специальных усилий и рефлексивной работы, а не

обеспечивается аскриптивным характером отношений. Для достижения этого результата необходим особый вид коммуникации, основанной на рефлексивном обмене и выражениях чувств.

В то время как Гидденс и другие (см., например: [Weeks et al., 2001]) воспринимают эти трансформации раскрывающейся близости в основном положительно, как движение в сторону равенства и взаимности, другие признают существование таких тенденций, но сожалеют о них. Они видят в возросшем значении близости в современном обществе отражение маниакального и соревновательного индивидуализма, который подрывает не только семейную жизнь, но и сплоченные сообщества (см., например: [Sennett, 2004]). Эти авторы полагают, что неопределенность и тревога проникли в самое сердце современных западных семейных и личных отношений. Так, например, хотя Бек и Бек-Гернсхайм [Beck, Beck-Gernsheim, 1995] утверждают, что **романтическая любовь** имеет огромное значение в качестве положительного **морального** ориентира для отношений и новых семейных связей, они также полагают, что связь между близостью и **риском** привела к «нормальному хаосу любви». Рефлексивное осознание людьми своей автономии предполагает одиночество, и это заставляет их искать любовь, близость и глубокую связь с другими людьми, даже если они понимают, как трудно ее достичь. Быть собой и развивать себя и одновременно искать взаимной близости с другим человеком означает все время находить неустойчивый баланс, который часто нарушается.

В контексте хрупких сексуальных отношений между взрослыми детьми, как принято считать, представляют собой единственный стабильный и надежный источник любви и привязанности. Отношения между родителями и детьми, однако, также подлежат изменениям, направленным на раскрытие близости, — родители стремятся развивать интенсивную эмоциональную связь и открытое общение с ними, а также глубокое понимание своих детей. Гидденс [Giddens, 1992] утверждает, что детско-родительская версия взрослых чистых отношений заменяет понятие родительского **авторитета** и власти. Согласно Гидденсу, такой интимный диалог родителей с

ребенком не только происходит по факту, но и должен происходить. Он, однако, предостерегает, что, хотя в отношениях между родителем и ребенком может отражаться «чистая» основа для близости во взрослых отношениях, они не должны быть столь зависимыми от обстоятельств. Родители не могут просто прекратить отношения со своими детьми, если они не обеспечивают им возможностей для личностной самореализации, — они обязаны сохранять постоянное участие в жизни своих детей.

Джеймисон [Jamieson, 1998] предлагает комплексную критику Гидденса и других подобных аргументов. Во-первых, она утверждает, что их представления о растущей близости как ключевом принципе организации семейной жизни и личных отношений являются неполными и имеют мало эмпирических подтверждений. Делая обзор исследовательской литературы об отношениях между родителями и детьми, **родственниками**, сексуальными партнерами и супругами, а также о **дружбе**, Джеймисон приходит к выводу, что социальные различия между представителями разных **поколений**, **полов** и **классов** по-прежнему определяют семейную жизнь и личные отношения; то же самое можно сказать и об **этнических** различиях [Reynolds, 2005].

Во-вторых, Джеймисон различает разные аспекты полной или частичной близости и приходит к выводу о том, что опыт и степени близости шире и более изменчивы, чем единственный идеал чистых отношений, основанных на проявлениях близости. Скорее, она указывает на сопереживание или эмоциональное понимание как на еще одно условие глубокого понимания внутренней сущности других людей, которое и составляет основу близости. Благодаря тесным связям, люди, как принято считать, вступают в близкие отношения и получают особые, уникальные и детальные практические и телесные знания друг о друге. Джеймисон также предполагает, что существует и молчаливая близость, когда чувства привязанности и близости не сопровождаются раскрытием, которая может быть выражена неявно с помощью практических и физических, а также эмоциональных средств. Кроме того, в то время как близость может иметь коннотации любви и заботы, она также

может быть контролирующей и подавляющей: например, проявляться в желании знать каждую мысль своего партнера или ребенка или, когда дело доходит до физической близости, принимать оскорбительные, унижающие достоинство формы. В то время как сексуальная близость в сочетании с эмоциональной близостью часто идеализируются, Вarr и Пайетт [Warr, Pyett, 1999] исследуют ту напряженность, которую секс-работницы испытывают в любых личных сексуальных отношениях, поскольку физическая близость, которую подразумевает их работа, очевидно, почти несовместима с частными отношениями, основанными на эмоциональной или раскрывающейся близости. Кроме того, существует риск, что предыдущие основные нормативные способы понимания семейных и личных связей могут быть заменены новыми, но столь же универсальными и предписываемыми категоризациями [Gabb, 2008].

С другой стороны, Зелицер [Zelitzer, 2007] утверждает, что близость связана с экономическими процессами. Хотя она и избегает приписывания чисто экономической рациональности отношениям и эмоциям, Зелицер утверждает, что близость и деньги не только совместимы, но пронизывают друг друга. Она считает, что в основе возникновения, поддержки и переопределения интимных связей лежит экономическая деятельность, и уделяет при этом особое внимание сексу, заботе и домашнему труду.

РЕЗЮМЕ

Близость является свойством тесных семейных и личных отношений в культурных контекстах обществ Европы и Нового Света. Утверждается, что условные чистые отношения, основанные на самореализации, взаимном удовлетворении и равенстве, возникли как идеал в стремлении к интимности, основанной на самораскрытии как организующем принципе. Этот вид любви и глубокой связи с другим взрослым человеком, однако, чреват рисками, так как его достижение является всегда проблематичным и требует постоянной рефлексии. Отношения между родителями и детьми также являются пространством подлежащей раскрытию близости, как это и должно быть, но

они не должны быть такими изменчивыми, как взаимоотношения между взрослыми. Критики этой картины состояния семейных и личных отношений утверждают, что она является частичной и избирательной, поскольку на формирование моделей близости по-прежнему влияют социальные противоречия и экономические факторы. Это означает, что состояние современных тесных семейных и личных отношений гораздо более сложное и изменчивое, чем то, которое стоит за понятием чистых отношений как основной формы интимности в современном обществе.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Гэбб [Gabb, 2008] обсуждает методологию исследования близких семейных отношений и предлагает более свежую литературу в дополнение к блестящему обзору, в свое время предложенному Джеймисон [Jamieson, 1998]. Хохшильд [Hochschild, 2003] исследует «коммерциализацию» интимной жизни.

***Связанные понятия:** Супружество; Семьи по выбору; Индивидуализация; Личное.*

Братья и сестры

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Родными братьями и сестрами называют детей, которые имеют двоих общих **биологических родителей**, сводными — имеющих одного общего биологического родителя. Приемные братья и сестры биологически не связаны, но у каждого из них по одному биологическому родителю, которые сформировали новые партнерские отношения друг с другом.

ДИСКУССИЯ

Отношения с братьями и сестрами формируют одни из самых длительных семейных уз, какие бывают у людей. Связи с братьями и сестрами являются частью жизни многих людей, с ранних лет до старшей взрослой жизни. Маленькие дети могут проводить столько же, если не больше, времени с братьями и сестрами, сколько с родителями. Другой отличительной чертой отношений между братьями и сестрами является их серийность: т.е. они могут неоднократно повторяться и воспроизводиться.

Разнообразие семейных структур в большинстве обществ Европы и Нового Света означает, что вопрос о том, кто является братом или сестрой, стал довольно сложным. Дети могут иметь родных, сводных, приемных или усыновленных братьев и сестер, живущих в том же домохозяйстве или в другом домохозяйстве своих родителей, либо уже не зависящих от родителей и живущих отдельно, сохраняя при этом с ними некоторую форму биологической и/или социальной **связи**. Эта сложность привела некоторых исследователей к разработке типологии и терминологии форм родственных отношений, охватывающей такие аспекты, как общие гены, общая история, семейные ценности и культура, а также общий правовой статус; либо к установлению различий между «основными», «находящимися в родстве» и «социальными» братьями и сестрами. Антропологические исследования родственных связей в других культурах, отличающихся от западных постиндустриальных обществ, также подчеркивают неоднозначное, варьирующееся определение того, кто считается братом или сестрой [Cicirelli, 1994].

Определение отношений как братских или сестринских также служит символическим средством выражения социальных или политических отношений и связей в более широком смысле. Ссылка на друга/подругу, который/ая мне «как **брат** или **сестра**» делается, чтобы выразить чувство того, что данная **дружба** является чем-то большим, чем просто обычные приятельские отношения. С помощью такой ссылки пытаются пе-

редать ощущение тесной эмоциональной привязанности, верности, **доверия**, повседневной **взаимности (reciprocity)** и других идеализированных отношений в рамках «братской» дружбы. Качество братско-сестринских отношений также является частью коллективного языка и политических договоренностей. Социалистическая и профсоюзная практика обращения к членам одной организации как к «братьям» и, с совсем недавнего времени, «сестрам», феминистское представление о женщинах как о «сестрах», а также принятое в некоторых черных, азиатских или других **этнических** меньшинствах использования слов «брат» и «сестра» для обозначения своей, например этнической, принадлежности призвано сигнализировать о существовании особого рода отношений. Политический смысл идеализированного субъективного свойства братских связей в рамках определенной социальной или политической группы — «семьи» — предполагает готовность стоять друг за друга и держаться вместе даже в трудные времена.

Эффекты влияния братьев и сестер на детей является постоянной темой исследований, особенно в области психологического и социального функционализма. Акцент делается на «конstellации» или «конфигурации» группы братьев и сестер — числе детей, порядке их рождения, разнице в возрасте, гендерном составе и т.д. Эти переменные затем соотносят с развитием детей и последствиями для их социализации, к которым относят интеллект, тип личности, достижения в области образования и карьеры/профессионального успеха, наличие расстройств пищевого поведения, случаи инцеста, гендерную идентичность и сексуальность [Carr Steelman et al., 2002].

Родители, как правило, рассматриваются как ключевые фигуры, определяющие отношения между братьями и сестрами, с акцентом на их собственных характеристиках и на том, как они обращаются со своими детьми. С точки зрения функционализма чем больше число детей, тем меньше родители имеют возможность инвестировать в них свое **время** и внимание, что приводит к негативным последствиям для социализации детей и результатов их развития [Coleman, 1988]. С точки зрения **эволюционной психологии** генетическая связь между родителем

и ребенком заставляет родителей чувствовать любовь и привязанность к своему биологическому потомству и отвергать своих приемных детей; та же логика действует применительно к отношениям братьев и сестер, состоящих в биологическом родстве или приемным, причем даже биологические братья и сестры находятся в состоянии соперничества за родительское внимание (см., например: [Daly, Wilson, 1998]).

В **психоаналитической теории** предполагается, что отношения между родителями и ребенком служат эмоциональной и психической основой всех других отношений. Отношения же между братьями и сестрами рассматриваются как второстепенные и/или «переходные», провоцирующие «первичную ненависть», поскольку они находятся в постоянной борьбе за психологическую привязанность родителей (см., например: [Bank, Kahn, 1982]). Однако в последнее время исключительная концентрация психоанализа на детско-родительских отношениях была подвергнута критике. Эти критики утверждают, что «горизонтальные» отношения между братьями и сестрами относительно автономны и иногда даже более важны, чем «вертикальные» детско-родительские отношения в психологическом и социальном обучении, а также в создании и развитии внутреннего мира ребенка [Mitchell, 2003]. Научные подходы, изучающие семейные системы, также включают братьев и сестер как неотъемлемую часть процессов, которые необходимы для достижения **гомеостаза** в системе; с этой точки зрения конфликт в отношениях между сестрами и братьями можно рассматривать как свидетельство дисфункции семейной системы в целом.

В то время как основные исследования братско-сестринских отношений в значительной степени концентрируются на социализации и развитии детей, есть и работы, сосредоточивающие внимание на средней и поздней **взрослости**. Изучая прочность отношений между братьями и сестрами в течение жизни, они также касаются темы распределения обязанностей по уходу и помощи престарелым родителям. В этом отношении исследования часто обнаруживают **гендерные** различия, которые связывают с сильной культурой заботы, вменяемой женщинам. **Сексуальность** у взрослых также может быть связана с полом

и порядком рождения братьев и сестер (см. обзор в: [Edwards, Weller, 2010]).

Изучение братьев и сестер с точки зрения реляционной теории (*relational sociological perspective*) сосредоточено в основном на сложных переменных динамики эмоциональной и практической заботы, а также отношениях власти между братьями и сестрами в детстве и во взрослом состоянии, основанных на их собственном понимании этих процессов (см., например: [Mauthner, 2002]). Реляционные исследования, опираясь на социальный **конструктивизм** и **теорию психодинамики**, также показали, что отношения между братьями и сестрами влияют на их представления о самих себе и о своем месте в социальном мире и, таким образом, связаны с более общими социальными различиями в обществе в целом [Gillies, Lucey, 2006]. В то же время **идентичности** и отношения братьев и сестер носят текущий характер, изменяясь с течением времени и в зависимости от **контекста**. Они также обусловлены гендерными, **классовыми**, **расовыми/этническими**, равно как и возрастными различиями.

РЕЗЮМЕ

Родственные отношения включают сложное взаимодействие биологических, социальных, эмоциональных и культурных элементов, а не только простую связь между биологией, правом и **местом жительства**. Различные теоретические подходы лежат в основе разных акцентов в изучении братско-сестринских отношений. Девелопменталистские и функционалистские перспективы сосредотачиваются на характеристиках братьев и сестер и их влиянии на результаты развития детей, считая при этом действия родителей ключевой переменной. Современные психоаналитические подходы видят отношения между братьями и сестрами как основополагающие для человеческой личности, в то время как реляционный анализ подчеркивает разнообразие братско-сестринских связей и предполагает, что в этих семейных отношениях возникают и воспроизводятся глубоко внедренные социальные различия.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Эдвардс [Edwards et al., 2006] предлагает критический обзор исследований отношений братьев и сестер в детском возрасте. В книге Каспи [Caspi, 2010] обсуждается ряд культурных и связанных со внешней средой аспектов братско-сестринских отношений.

Связанные понятия: *Функционализм; Домохозяйство; Родство; Социальные различия.*

.....

Власть

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Власть в разных теоретических перспективах определяется по-разному. Обычно под ней понимают способность индивида достигать желаемых результатов против желания или интересов другого. С другой стороны, она определяется как позитивная способность к свершениям.

ДИСКУССИЯ

Власть — ключевое понятие в социальных науках, ставящее вопрос о том, кто находится в наиболее выгодном положении в момент, когда осуществляется власть, и о том, чьим интересам она служит. Власть в семейных отношениях — очень сложный феномен, не в последнюю очередь потому, что люди, как правило, не обсуждают свою семейную жизнь в этих терминах. Скорее, в современных обществах Европы и Нового Света «власть» рассматривается как часть политического языка, что идет в разрез с семейными идеалами любви и единения. Но анализ

власти в семейной жизни обнаруживает политические аспекты семейных отношений, которые часто проявляются через самые обычные, повседневные детали деятельности семьи.

Власть анализируется в различных аспектах социальной жизни: как характеристика отдельных лиц, как свойство взаимодействий между индивидами или системная сила в рамках всего общества. Эти различные макро- и микроуровни власти взаимосвязаны. Осуществление личной власти в семейных отношениях связано с более широкими структурными процессами власти, например, в рамках функционирования **патриархата** (как традиционной власти или физического насилия), институционализованного положения молодых людей как зависимых и более широких социальных норм, регулирующих ценность и распределение ресурсов в обществе.

В качестве индивидуальной характеристики власть может относиться к предполагаемому **локусу контроля**. Индивиды могут рассматривать себя как имеющих значительный потенциал для самостоятельного принятия решений (**автономии**), или они могут считать себя в основном зависимыми от внешних сил вне сферы личного контроля, или считать себя обязанными действовать под руководством других (**гетерономия**). Эти представления могут быть связаны с активным или пассивным стилем практического поведения. Например, было обнаружено, что влияние ситуации на детей, живущих в трудных условиях, различается в зависимости от того, какой стиль борьбы с трудностями характерен для их родителей (см., например: [Seiffge-Krenke, 2000]). Тем не менее такие различия в отношении к власти также могут быть связаны со структурными параметрами, такими как нищета или другие проблемные жизненные обстоятельства, и сравнительная ценность автономии или гетерономии также различается в разных культурах [Kağıtçibasi, 2007].

На макро- и микроуровнях власть может анализироваться как проявление конфликта или как форма энергии или силы, позволяющей достигнуть требуемых результатов. На **макроуровнях** теории конфликта рассматривают власть как силу, систематически работающую в пользу отдельных групп или классов людей по сравнению с другими, в то время как функционалистские теории рассматривают власть как работающую на общее

благо через достижение социальных целей. Аналогичным образом, на **микроуровне** семейных отношений теории конфликтов позиционируют власть как силу, позволяющую определенным лицам отстаивать свои потребности и интересы за счет других членов семьи, в то время как в функционалистских подходах считается, что власть обеспечивает нормальное функционирование семьи в целом.

Когда власть понимается как способность к достижению своих целей, несмотря на противостояние, она приближается к другим, связанным с ней, понятиям — **контролю** и принуждению. С этой точки зрения действия власти могут быть определены с позиции того, кто смог успешно навязать свои требования в ситуации конфликта, или того, кто извлек больше выгод из последствий или результатов предпринятых действий. Некоторые представления о власти связаны с идеей интенциональности, в то время как другие перспективы могут включать и непреднамеренные последствия, особенно в семьях — где, как ожидается, люди могут обращать внимание на последствия своих действий по отношению к тем, о ком они заботятся. В долгосрочных семейных отношениях, однако, могут действовать более тонкие формы власти, такие как социальное влияние или формируемые в течение долгого времени ожидания.

Один из способов изучения власти в семейных отношениях состоит в том, чтобы изучать процесс **принятия решений**, спрашивая супругов о том, кто принимает решения у них в семье. С этим подходом связаны, однако, определенные методологические трудности, такие как определение того, кому из супругов следует задавать этот вопрос и какие именно решения в этом контексте считать главными. Основной же концептуальный вопрос заключается в том, насколько вообще принятие решений является главным способом проявления власти. Возможно, власть наиболее эффективна как раз тогда, когда она наименее заметна, действуя как часть само собой разумеющейся рутины повседневной жизни. Кроме того, открытое обсуждение и переговоры могут создать иллюзию гораздо большей прозрачности, чем это происходит в обычной жизни. Альтернативным подходом является определение того, чьим интересам служит устройство семейных порядков.

Распределение **ресурсов** в семьях важно для выявления механизмов власти. С одной стороны, ресурсы могут быть направлены на то, чтобы укреплять или утверждать власть, с другой стороны, неравенство в распределении ресурсов является результатом применения власти. Власть — ключевое понятие для осмысления внутрисемейного **неравенства**. Но важно также, что власть помогает объяснить продолжение привязанности, несмотря на присутствие негативного опыта, даже насилия и жестокого обращения. Для объяснения этого феномена было предложено понятие «**ложное сознание**», основанное на предположении о том, что члены семьи не в состоянии видеть, в чем состоят их подлинные интересы, и в результате принимают навязанные им репрессивные властные отношения. Термин «**распределение**», например, может маскировать неравенство ресурсов, и феминистские исследования сыграли решающую роль в артикуляции вопроса о том, как именно деньги распределяются в домохозяйствах и семьях [Pahl, 2005].

Однако определение того, какие именно ресурсы используются в отношениях власти, — непростое дело, потому что многое зависит от тех смыслов, которые им придаются. Например, и денежные траты, и экономию можно расценивать как проявления отсутствия настоящей заботы, потому что, с одной стороны, «за **деньги** нельзя купить любовь», и они не заменят **время**, проведенное вместе; но, с другой стороны, если не проживающий с семьей работающий родитель не обеспечивает ей даже базовой материальной поддержки, то его поведение никак не может рассматриваться как заботливое [Ribbens McCarthy et al., 2003]. При этом проведение времени вместе можно считать проявлением любви, но оно может быть и формой удовлетворения интересов одного индивида за счет других. Когда жены готовят чай и следят за детьми на крикетных матчах своих **мужей**, это надо рассматривать как пример «ложного сознания» или нежной близости? Повседневные обязанности в домашних хозяйствах, такие как приготовление **пищи**, также можно рассматривать с точки зрения их символической значимости (например, в случае семейных ужинов на Рождество или День Благодарения), а также полагать, что оно предполагает определенные ответные обязательства со сторо-

ны тех, кого кормят. Когда жена регулярно готовит для мужа и детей, на нее воздействует вмененная ей идея «хорошей хозяйки и матери», и/или она таким образом обязывает других членов семьи приходить домой вовремя и уважать святость семейной трапезы?

Чтобы объяснить, как действует власть, сохраняя лояльность подчиненного партнера, Белл и Ньюби [Bell, Newby, 1976] описали брачные отношения в терминах «диалектики почтения». С этой точки зрения **традиционный авторитет**, который приписывается мужчинам как главам домохозяйств, означает, что мужская власть рассматривается как бесспорная и неизменная. В обществах Европы и Нового Света это выражается, например, в ожиданиях, что партнеры-мужчины будут выше и старше своих брачных партнерш-женщин. В то же время Белл и Ньюби утверждают, что обладающий большей властью индивид смягчает жесткие коннотации власти путем дарения подарков и символических актов помощи.

Более мягкий взгляд на власть видит ее как способность к достижению общих целей, и в этом случае власть не означает, что кто-то проигрывает. Некоторые социально-психологические теории рассматривают власть как необходимую часть групповой динамики, которая позволяет людям достичь совместных целей, признавая в то же время и влияние более общих факторов структурного неравенства.

Когда индивиды зависят от других людей, как это бывает в семьях, они становятся уязвимыми для осуществления власти других, но она может проявляться как в форме подавления, так и в форме заботы. Например, когда один из супругов эмоционально зависит от другого, тот из них, кто более эмоционально независим, может иметь относительно большую власть [O'Connor, 1991]. Маленькие дети и люди с особыми потребностями уязвимы для насилия, но они в то же время могут являться объектом заботы и поддержки. Более равные властные отношения подразумевают **взаимозависимость**, когда люди обращаются друг к другу для достижения желаемых результатов и обеспечения своих потребностей.

Некоторые феминистские авторы избегают дихотомического противопоставления власти и **любви** [Meyer, 1991], остав-

ляя возможность концептуализации власти как формы заботы. Классическое представление о власти как о борьбе интересов связано с западным пониманием личности как автономного индивида, имеющего свои собственные интересы. Но если рассматривать людей в терминах взаимоотношений, когда их интересы пересекаются с интересами других людей, власть должна концептуализироваться более сложным образом. Например, матери могут описывать осуществление власти над своими детьми как действия, исходящие из их **потребностей** и обеспечивающие дисциплину или порядок [Ribbens, 1994]. Многое зависит от значений, приписываемых тем или иным действиям, и от того, как понимаются интересы и потребности людей. Действительно, частные интересы и потребности членов семьи, особенно детей, формируются экспертными теориями знания, такими как представления о правильном развитии ребенка, которые по самой своей логике подразумевают применение власти и определенных форм **управления** [Rose, 1999].

РЕЗЮМЕ

Власть может рассматриваться и как разрушительная, и как продуктивная. Хотя некоторые авторы сосредоточиваются на понимании власти как прямого столкновения интересов, другие обращают внимание на важность того, как сами люди воспринимают свои интересы и какую здесь роль играют авторитет, экспертиза и т.п. Социальные нормы более общего характера, так же, как и структурное неравенство и доступ к ресурсам, — важные факторы семейной власти. Феминистский анализ власти в семейной жизни сыграл большую роль в привлечении внимания к домашнему неравенству и насилию. Власть также можно понимать и в терминах взаимоотношений, как форму заботы.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Аллан и Кроу [Allan, Crow 2001] предлагают оригинальный краткий, но точный обзор власти как всепроникающей части семейных

отношений. Дж. Паль [Pahl, 2005] предлагает обсуждение денег в домашних хозяйствах, в то время как Кирхлер с соавторами [Kirchler et al., 2001] раскрывают социально-психологическую перспективу по поводу ресурсов и любви в близких отношениях. По поводу семейной еды можно ознакомиться с революционным исследованием Деволт [DeVault, 1991] и недавним эмпирическим исследованием Джексона [Jackson, 2009].

Связанные понятия: *Забота; Разделение труда; Домашнее насилие и жестокость; Социальные различия.*

Влияние семьи

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

«Влияние семьи» (family effects) — широкое понятие, обычно используемое для обозначения того, какие последствия могут иметь статус члена семьи и семейный опыт для отдельных лиц.

ДИСКУССИЯ

Некоторые представители социальных наук изучают, каким образом общие закономерности семейной жизни — в том числе индивидуальные решения членов семьи — воздействуют на такие общие процессы, как экономическое развитие. Тем не менее в основном исследования в области влияния семьи посвящаются тому, как различные аспекты семейного опыта затрагивают индивидов и как они связаны с политическими проблемами и социальным управлением.

Исследования воздействий жизни в семье, как правило, предполагают, что события и процессы в начале жизни помогают сформировать индивидуальную жизненную траекторию,

часто связывая их влияние с теориями развития ребенка и привязанности. Для объяснения таких влияний привлекаются различные теоретические перспективы, в том числе связанные с экономическими ресурсами, семейным укладом, стрессовыми жизненными событиями и индивидуальными особенностями. Особое внимание получили такие темы, как значимость конкретных форм семейной жизни [Golombok, 2000] и различные аспекты родительских отношений и **стилей воспитания**. Влияние семьи также обсуждалось в исследованиях братьев и сестер. В зависимости от того, из какой перспективы исходили исследователи, делались выводы о том, как лучше формировать политику, направленную на улучшение **жизненных шансов** индивидов.

Идея о том, что ранний детский опыт воспитания и заботы формирует или, по крайней мере, резонирует во всем последующем жизненном опыте индивида, всегда была важной особенностью психологических исследований. Тем не менее некоторые из них оспаривают неизбежность такого влияния. Кларк и Кларк [Clarke, Clarke, 1976; 2000] приводят доказательства того, что испытанные в раннем детстве невзгоды могут быть позже скомпенсированы оказанной помощью. Кроме того, они утверждают, что неблагоприятные события в зрелом возрасте также могут иметь значительные последствия для людей, возможно, даже более сильные, чем в детстве. Другие авторы говорят о важности **генетической наследственности**, которая может ограничить масштабы влияния семьи [Belsky, Pluess, 2010]. Некоторые подчеркивают важность для детей собственного **пространства действия (agency)**, полагая, что дети сами активно участвуют в формировании того семейного опыта, который влияет на их жизнь [Brooker, Woodhead, 2008].

Выявление сложного воздействия семьи на жизни индивида — очень нелегкая задача. Соответствующие научные подходы включают в себя **количественные** исследования, такие как статистический анализ крупномасштабных баз данных; и **качественные** исследования — например, углубленный анализ отдельных **историй жизни**, или **клинических случаев**. Некоторые исследования используют смешанные методы, как в исследовании неблагополучных семей и состояния детей в США (<<http://>

www.fragilefamilies.princeton.edu/) или международном исследовании жизни молодежи (<<http://www.younglives.org.uk/>>). Исследования с использованием любого из этих методов могут быть сфокусированы на одной временной точке — например, представляя сравнительные (cross-sectional) статистические данные о характеристиках людей и их текущих обстоятельствах или прибегая к сбору **ретроспективных** историй жизни; или же они могут быть **лонгитюдными**, опираясь на данные (будь то качественные или количественные), которые собирались об одних и тех же индивидах в течение различных периодов времени. Такие исследования обычно связаны с крупномасштабными количественными опросами людей, принадлежащих к одной **возрастной когорте**, за которыми потом наблюдают на протяжении многих лет (см., например: <www.cls.ioe.ac.uk/>).

Использование индивидуальных жизненных историй, или **биографий**, позволяет отслеживать взаимодействия событий и обстоятельств, происходящие на протяжении индивидуального жизненного пути. Такие методы обеспечивают понимание тех смыслов, которые семейные отношения и события имеют для исследуемого лица, а также обеспечивают возможность рассмотреть более широкие исторические и социальные контексты и их переплетение с отдельными **биографиями**. Это переплетение становится возможным, однако, только тогда, когда определенные типы людей готовы давать глубинные интервью о своих индивидуальных жизненных историях. Встают также вопросы о том, как интерпретировать полученные данные, и, хотя могут быть получены некоторые инсайты по поводу индивидуальных последствий конкретных семейных обстоятельств, такая методология не может делать прямые выводы о том, в чем конкретно заключалось «влияние семьи» для данного человека.

Результаты масштабных количественных исследований, основанных на больших выборках, используются для изучения различных аспектов (или переменных) жизни людей. Такие исследования зависят от способности разработать соответствующие и недвусмысленные индикаторы измерения подобных опытов. Затем проводится анализ, чтобы увидеть, есть ли **статистическая связь** между конкретным детским опытом, связанным с семьей, и повышенной вероятностью определенных

эффектов в более позднем возрасте, — в таких исследованиях их называют «**статистическими эффектами**» (**outcomes**). Тем не менее некоторые результаты могут существенно изменяться с течением времени или быть заметными лишь в долгосрочной перспективе.

Большинство статистических эффектов, получаемых таким образом, касаются тех аспектов жизни, которые считаются нежелательными или неприятными. Некоторые ученые предполагают, что поиск более «положительных» последствий почти наверняка даст возможность увидеть другие модели, которые потенциально будут отражать и положительное, и негативное влияние семьи. Кроме того, статистические результаты могут включать в себя переменные, которые по-разному оцениваются людьми в отличающихся культурных контекстах.

Исследования статистических эффектов позволили описать некоторые общие тенденции или закономерности, основанные на изучении большого количества детей, но эти результаты не могут быть экстраполированы на отдельных детей. Более того, часто уровень статистической зависимости между переменными оказывается очень невысоким, что говорит о том, что лишь небольшая часть статистических эффектов, полученных в результате исследования взрослых, может быть «объяснена» ссылкой на какое-то единичное событие, пережитое в детстве. Другими словами, вариативность *внутри* групп, созданных в результате статистического анализа когорты взрослых, может быть настолько велика, что определение статистической связи с определенным событием детства может быть практически безуспешно. В самом деле, вполне возможно, что разные дети могут реагировать на одни и те же события совершенно противоположным образом (например, у одних детей смерть родителей может повлиять на повышение школьной успеваемости, в то время как у других, наоборот, успеваемость снизится), и эти эффекты теряются, когда отдельные измерения интегрируются для статистического анализа. Кроме того, простые статистические корреляции такого рода не всегда могут отражать влияние других факторов. В частности, существует **влияние отбора (selection effects)**: например, можно статистически зафиксировать, что люди, живущие в неблагоприятных социальных

условиях, могут быть более склонны создавать определенные формы семьи, но это не означает, что данные семейные формы являются причинами социального неблагополучия.

Когда определенные детские впечатления оказываются статистически связаны с повышенной вероятностью нежелательных результатов, они рассматриваются как **фактор риска**, возможно, с точки зрения медицинских последствий [Garmez, 1994] или проблем социальной политики (например, каких-то проявлений социального исключения) [Bunnner, 2001]. В настоящее время принято считать, что важно сочетание нескольких факторов риска, а не какой-либо одной переменной. Исследования, таким образом, направлены на то, чтобы рассчитывать и строить **прогнозы** на основе таких факторов риска, относительно которых остальная часть населения, как предполагается, будет «контрольной группой» с положительными результатами по данным показателям. Более того, выводы о том, что определенные детские переживания «вызывают» какие-то конкретные последствия, всегда базируются на заранее заданных гипотезах — и в самом деле, сам по себе термин «последствие» неявно подразумевает, что такая **причинно-следственная связь** присутствует, но вопрос о том, что имеется в виду под «причинностью», является довольно сложным. К тому же, статистические тесты могут говорить лишь о том, что какой-то конкретный детский опыт связан с определенными последствиями до такой степени, что статистическая корреляция между ними превышает случайное распределение по выборке изучаемого населения.

Трудности с установлением причинно-следственной связи могут привести к предпочтению изучения возрастных когорт и других лонгитюдных исследований, а не сравнительных исследований, проводимых в единый момент времени. Был разработан **многомерный статистический анализ**, который может учитывать несколько переменных одновременно, а также позволяет строить более сложные **модели**, описывающие, как могут происходить и взаимодействовать в течение жизни различные события (см., например: [Schoon, Parsons, 2002]). Эти модели включают в себя ряд индивидуальных, семейных, социальных и структурных факторов, которые могут взаимодействовать с

течением времени таким образом, что подвергают детей более высокому риску определенных вредных последствий. Модели также стремятся выявить такие особенности детских жизней или личностей, которые обладают защитным эффектом, приводящим, например, к тому, что дети, которые, как считается, подвергались повышенному риску неблагоприятных последствий, фактически их не показывают. Этот феномен иногда называют «устойчивость» (**resilience**), хотя этот термин и подвергается критике из-за отсутствия ясности в отношении того, относится ли это качество к ребенку или к его семье.

Крупномасштабные количественные исследования имеют большое значение для социальной политики, так как политики обеспокоены разработкой стратегий работы, опирающихся на опыт и поведение населения в целом. Сведения о типах людей, находящихся в группе повышенного риска социального исключения, могут быть использованы, например, для направления ресурсов в конкретные микрорайоны или оказания адресной помощи конкретным группам населения. Они также могут быть использованы для разработки политики, направленной на поощрение граждан к принятию определенных жизненных решений (например, для поддержки брака).

РЕЗЮМЕ

Конкретное влияние семейного опыта на жизни людей важно для исследователей и политиков, но такую связь очень трудно установить однозначно. Исследования могут опираться на многомерный статистический анализ для определения общих тенденций, показывающих связь между конкретными событиями и последующими результатами. Исследователями, использующими эти подходы, были разработаны сложные модели процессов, длящихся во времени. Экстраполяция крупномасштабных данных, однако, может упрощать причинно-следственную связь и процессы, связанные с факторами риска. Другие подходы включают интерпретацию клинических кейс-стади, или исследования индивидуальных **биографий**, протяженные во времени.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Шун [Schoon, 2006] вводит понятия риска и устойчивости и предлагает обзор исследований долгосрочных последствий влияния семейных драм в раннем возрасте, основанный на британских данных. Лутар с соавторами [Luthar et al., 2000] обсуждают концепцию устойчивости и связанные с ней вопросы в целом. Амато [Amato, 2004] обсуждает данные о влиянии развода на детей в США; Карракер и Гроховски [Karraker, Grochowski, 2006] предлагают общее обсуждение рисков и устойчивости в контексте США.

Фелпс с соавторами [Phelps et al., 2002] предлагают обзор лонгитюдных исследований в США. Маклауд и Томсон [McLeod, Thomson, 2009] фокусируются на исследованиях изменений в отношениях с течением времени, используя качественные методы.

Связанные понятия: *Привязанности и потери; Детское развитие; Изменения и преемственность в семье; Родительство.*

Демография

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Демография занимается изучением больших групп населения в широком смысле слова, включая состав населения и тенденции в изменении его численности, которые относятся к семьям и домохозяйствам и имеют последствия для социальной политики.

ДИСКУССИЯ

Рождение, брак и смерть — ключевые события в семейной жизни, но они также являются основными задачами для демо-

графического исследования **населения** в целом. Демография как дисциплина была связана с развитием **национальных государств** и правительств, которые хотели разработать политику и организовать своих граждан, будь то с точки зрения потенциально-го количества доступных солдат, рабочей силы, необходимой для экономического развития, ожидаемого объема налоговых поступлений или планирования предоставления услуг гражданам. Франция, например, разработала пронаталистскую политику, поощряющую рост населения, так как в конце XIX в. считалось, что низкая плотность населения в сочетании с размером территории делает страну более уязвимой в экономическом и военном отношении [Hantrais, 2004].

К ключевым элементам анализа населения относятся: **рождаемость** — число рождающихся; **смертность** — число умерших; и **миграция** — перемещение граждан внутри и между национальными государствами. Такие статистические данные дают информацию о настоящем составе населения и тенденциях его изменения с течением времени. Для того чтобы делать прогнозы на будущее, демографическая статистика, как правило, рассчитывается по коэффициентам (рождаемости, **брачности** и смертности) в отношении к существующей численности населения. Например, уровень рождаемости может быть рассчитан по отношению к численности женщин детородного возраста, что позволяет рассчитать средние показатели рождаемости для конкретных групп населения или периодов истории. Взяв за основу, скажем, данные о паттернах более ранней рождаемости и проецируя их на будущее, можно получить основу для сравнения моделей рождаемости в разных обществах по всему миру или для разработки прогнозов о будущих изменениях в народонаселении. Прогнозирование будущей численности населения также требует внимания к смертности (в том числе новорожденных и младенческой смертности) и миграционным процессам, в том числе к различиям в показателях смертности между разными группами населения в пределах национального государства. Имеющиеся данные для расчета коэффициентов миграции, как правило, более подвержены ошибкам, чем данные о рождаемости и смертности, из-за трудностей в отслеживании и прогнозировании передвижения людей.

Много демографической информации следует из данных **переписи**. Переписи являются неотъемлемой частью государственной деятельности во многих промышленно развитых странах. Другие источники информации включают в себя **регистрацию рождений и смертей**, записей о миграции, собранных на национальных границах, и регистрацию других изменений в правовом статусе, например, браков и **разводов**. Выборочные обследования также являются важными источниками информации, такими как Текущее обследование населения (Current Population Survey), осуществляемое ежемесячно в США, с годовыми дополнениями, ориентированными на семьи и домохозяйства; и Общего исследования стилей жизни (General Lifestyle Survey, ранее — GHS), осуществляемого ежегодно в Великобритании. Страны различаются в зависимости от масштаба и надежности собранной информации. Регистрации рождений, например, не доступны для существенной доли мирового населения, и лишь несколько стран следуют рекомендации Статистической комиссии ООН для сбора информации о нерыночном труде [Bogenschneider, 2006].

Чтобы помочь правительствам планировать такие социальные услуги, как больницы и школы, а также разработать политику в отношении будущих потребностей населения, демографы должны проанализировать состав населения в перспективе будущих тенденций. В этом отношении также важен процесс создания и распада семей и домохозяйств. Правительства могут нуждаться в прогнозе тенденций изменения численности различных типов домохозяйств, основанных на исследованиях паттернов отношений людей, **проживающих в одном домохозяйстве**, — например, для прогнозирования числа неполных семей или необходимости дополнить семейную заботу о пожилых людях государственной поддержкой. Такого рода анализ заставляет демографов и исследователей принимать решения о том, как определить **границы** семейных групп и домохозяйств и по каким критериям классифицировать отношения. Эти решения не только формируют итоговую картину, но в свою очередь также могут влиять на то, что и как люди думают о своих семьях и отношениях.

Со временем определения, используемые в сборе данных переписи, могут измениться, поскольку переписчики и сами люди стремятся выработать устойчивые термины для описания своей жизни и семейного устройства. Хотя такие термины часто рассматриваются как представляющие «естественные» **семейные связи** и установления, смысл «семейных отношений» значительно изменился исторически — например, в отношении того, следует ли включать в состав семьи слуг [Davidoff et al., 1999]. Внешне нейтральные термины, используемые для классификации разных характеристик населения, могут иметь различные значения в разных странах и культурах. В текущей государственной статистике Великобритании различают семьи и домохозяйства, не основанные на семейных связях, при этом семьи определяются как **супружеские домохозяйства** или **детско-родительские домохозяйства** [Smallwood, Wilson, 2007]. В США, напротив, проживающая в гражданском браке пара с детьми не определяется как «семья» в государственной статистике, этот термин закреплен только за людьми, живущими вместе с теми, с кем они связаны **кровными узами**, браком или **усыновлением**.

Оценка масштабов и характера семейных изменений и ответственности требует внимания к созданию и интерпретации статистики населения и домохозяйств. Некоторые способы представления данных делают сильный акцент на изменениях, в то время как другие дают иную картину. Например, снижение **размера домохозяйства** кажется более существенным, если выражается в процентах *домохозяйств*, состоящих из одного человека, а не в процентах *людей*, живущих в таких домохозяйствах. Точно так же доля внебрачных рождений может увеличиться, даже если абсолютное число таких рождений не изменилось, если уменьшилось фактическое число рождений замужними женщинами, так что доля внебрачных рождений из-за этого просто *пропорционально* выросла. *Перекрестные* данные о доле лиц, в настоящее время проживающих в одиночку, могут создать другое впечатление, если выделить из них людей, которые жили в одиночестве в течение всей своей взрослой жизни, поскольку состав семьи в любом случае изменяется в зависимости от стадии жизненного цикла. Картина, таким образом, выглядит по-разному, в зависимости от того,

рассматриваются ли индивидуальные жизненные **траектории** или общие статистические данные. Некоторые люди могут жить в одиночку в течение большей части своей взрослой жизни, но гораздо чаще **одинокая жизнь** или одинокое родительство занимает лишь определенный период в их общем **времени жизни**. **Старение населения** также оказывает существенное воздействие на долю одиноких взрослых домохозяйств, так как в результате увеличивается масштаб **вдовства** среди населения в целом. Кроме того, степень изменений может выглядеть поразному в зависимости от **периода времени**, о котором задается вопрос: преемственность иногда кажется более очевидной, чем изменения, если проследить прошлую статистику [Casper, Bianchi, 2002]. Важные различия могут также стать более видимыми, если учитывать **разнообразие** статистических данных между различными группами внутри населения данной страны в целом [Baumle, 2006]. Еще один ключевой вопрос касается того, насколько демографическая статистика может учитывать **семейные связи**, которые не ограничиваются единым домохозяйством, но объединяют несколько домохозяйств. Степень изменений и преемственности в семейной жизни также прослеживается в зависимости от того, насколько широко определяются границы пространственного расположения: статистика, собранная в рамках национальных границ, часто не учитывает те формы семейных связей и семейной деятельности, которые пересекают такие пространственные категории и осуществляются трансгранично.

Другой важный вид демографического анализа соотносит демографические коэффициенты с другими характеристиками социально-экономических моделей, используемых в **исследованиях населения** [Teachman et al., 1999]. Например, очевидно, что по всему миру уровень рождаемости в целом снижается, и семьи, таким образом, становятся меньше по мере того, как общество становится более богатым. Причины этого **демографического перехода** оспариваются, но могут включать в себя такие факторы, как снижение зависимости выживания от семейного труда, увеличение инвестиций в отдельных детей, альтернативные варианты трудоустройства женщин и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. В США и Великобри-

тании, например, **нуклеарная** модель семьи из двух родителей с двумя детьми стала наиболее распространенной только в середине XX в., до этого преобладали другие семейные модели. Некоторые демографы считают, что эти быстрые семейные изменения являются частью второго демографического перехода, включающего в себя также увеличение числа разводов, одинокое родительство и вообще снижение уровня рождаемости в 1960–1970-х годах, за которым последовало плато, после чего тенденция к увеличению рождаемости прекратилась [Casper, Bianchi, 2002]. Это вызвало новые опасения по поводу сокращения населения в развитых странах, хотя и не все такие страны имеют одинаковый уровень снижения рождаемости [Booth, Crouter, 2005]. Этот второй демографический переход считается связанным с идеями индивидуальной **автономии** и **гендерного** равенства. Прослеживание связи между индивидуальными решениями по поводу семьи, с одной стороны, и возможностями и ограничениями, которые обусловлены более глобальными экономическими моделями, — с другой, обеспечивает направленность анализа на то, каким образом они могут взаимодействовать с течением времени и взаимно влиять друг на друга.

РЕЗЮМЕ

Демографы занимаются изучением и прогнозированием численности и состава населения. Их интересуют также модели семьи и способы организации домохозяйства — как сами по себе, так и с точки зрения расчетов будущих демографических тенденций. Проведение исследований населения позволяет производить демографический анализ последствий существования и изменения этих моделей и тенденций для лучшего понимания социальных процессов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Давидофф с соавторами [Davidoff et al., 1999] обсуждают исторические изменения в демографической статистике. У Хантрэйс [Hantrais, 2004] приводится обзор семейной демографии по всей

Риббенс Маккарти, Дж., Эдвардс, Р.

P49

Исследования семьи: основные понятия [Текст] : учеб. пособие / Дж. Риббенс Маккарти, Р. Эдвардс ; пер. с англ. И. Н. Тартаковской ; под науч. ред. Е. Ю. Рождественской ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 343, [1] с. — (Переводные учебники ВШЭ). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1315-6 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1827-4 (e-book).

Учебное пособие, написанное в необычном формате, по сути, представляет собой энциклопедию по фамилистике. Авторы — английские социологи Джейн Риббенс Маккарти и Розалинд Эдвардс — предлагают понятийный аппарат с удобной внутренней системой ссылок, показывают, насколько меняются значения привычных терминов в зависимости от разных глобальных, социальных и исторических контекстов, и знакомят читателя с основными теоретическими концепциями, данными эмпирических исследований и современной научной литературой по семейной проблематике. В книге можно найти отсылки не только к ключевым дисциплинам фамилистики — социологии, психологии, демографии, праву и экономике, — но и к социальной политике, социальной географии, политологии, религиоведению.

Издание будет полезно как специалистам в области исследований семьи, преподавателям и студентам, так и широкому кругу читателей.

УДК 316.6:314.6

ББК 88.5

Учебное издание

Переводные учебники ВШЭ

Джейн Риббенс Маккарти, Розалинд Эдвардс

**Исследования семьи:
основные понятия**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *А.А. Архипова*

Художник *В.П. Корицунов*

Компьютерная верстка: *Л.В. Маликина*

Корректор *В.И. Каменева*

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Newton
Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 1000 экз. Изд. № 1884

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59